

В. БУРТОВОЙ

СОКРОВИЩА ПОСЕЙДОНА

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Владимир Буртовой
Сокровища Посейдона

«ВЕЧЕ»

2019

Буртовой В. И.

Сокровища Посейдона / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-8040-9

Роман «Сокровища Посейдона» продолжает историю, начатую в романе «За золотым призраком». Бывший командир немецкой подводной лодки фрегаттен-капитан Отто Дункель на арендованной яхте с разношерстной командой, сыновьями и любимой женщиной отправляется к берегам Новой Зеландии для поиска останков барка «Генерал Грант», потерпевшего кораблекрушение в 1866 году по пути из Мельбурна в Лондон. Но 740 килограммов золота на дне Тихого океана уже погубили не одного смельчака... Чем же расплатится Отто Дункель и какие приключения ждут его в погоне за несметными сокровищами?

ISBN 978-5-4484-8040-9

© Буртовой В. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1. Вальтер уходит сам...	6
1	6
2	23
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Иванович Буртовой

Сокровища Посейдона

© Буртовой В.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Глава 1. Вальтер уходит сам...

1

Майкл, отдохнув часа полтора в каюте, не вытерпел и явился на палубу – высунулся из слабо освещенной рубки и крикнул в сторону бака, где в предутренней темноте у шпигеля сидели Отто и Фридрих:

– Господин сенатор! Что-то с рацией случилось!

Дункель громко чертыхнулся.

– В чем дело, Майкл? Каких-то три часа назад работала нормально, а теперь почему-то не работает?

– Прием идет нормально, а передающий канал не срабатывает. Я слышу Мельбурн. Сотрудник Кельтмана запрашивает Штегмана уже больше часа... Теперь вызывает на связь «Изабеллу». Как ему передать, что «Виктория» пропала... подорвалась на мине!

Как бы обдумывая ситуацию, Отто помолчал некоторое время, потом постарался успокоить Гориллу Майкла и красавчика Аполлона, который с понятным интересом внимательно прислушивался к разговору.

– Днем попробуем починить передатчик. Тебе поможет Фридрих, он в радиотехнике соображает немного. Если у нас ничего не выйдет, то Кельтман узнает о несчастье от того судна, которое подошло к месту катастрофы... Спасательные круги не тонут, дружище Майкл, это и будет визитной карточкой покойного Штегмана. – Дункелю стоило большого усилия, чтобы на последних словах о покойнике Викторе Штегмане напустить на собственное лицо подобающую печать скорби и придать голосу положенный в данных случаях оттенок. «Еще учует, что я чертовски рад избавлению от клоуна и его братии, заподозрит неладное, и со мной станет скрытен. А без боцмана команда не перейдет на мою сторону, может учинить приличную пакость, так что и до Оклендских островов не смогу добраться».

– Господин сенатор, а почему мы идем на юг? Почему не возвращаемся в Мельбурн? Надо бы и самим сообщить хозяину...

Отто скорчил гримасу досады, не счел нужным отвечать рулевому – поведишь так каждому давать всякие объяснения! – взял Фридриха за локоть. Роберт, чтобы лучше услышать ответ сенатора, высунулся из рубки – лобовое стекло было приподнято. Не дождавшись объяснений, встал на место и опустил глаза на картушку компаса. Да какое ему, собственно говоря, дело, куда держит путь отдыхающий на яхте сенатор? Хоть на Северный полюс скажет держать курс – и будет прав. «Кто платит денежки, тот и путь выбирает», – усмехнулся про себя Роберт, вполуха прислушиваясь к ворчанию боцмана у неисправного передатчика.

У него, Роберта, одна забота – поднакопить денег, окончить морской колледж и самому встать к управлению какого-нибудь океанского лайнера! Хоть на службе, да не в услужении у всякого «жирного кошелька». Вот тогда можно будет смелее выходить на встречный курс Эммы, племянницы генерал-губернатора! Была бы приличная служба, а с остальным поможет справиться его незаурядная внешность... В последнюю их якобы случайную встречу в парке Эмма с интересом – Роберт готов был поклясться всеми богами моря и неба! – глянула на бравого красавца-морняка! Забавно было бы лет этак через десять повстречаться, между прочим, с этими заносчивыми немцами из Африки. Еще неизвестно, кто перед кем первым снял бы шляпу! «Мечты, мечты! – вздохнул с отчаянием Роберт и покосился на спину боцмана. – И так мизерно мало надо для вашего исполнения – мешочек денег и чуточку удачи! И не стал бы я тянуть нищету с большим семейством, как тянет ее несчастный боцман Майкл! У него вообще никаких шансов не осталось...» На баке громко засмеялся Дункель, и Роберт перевел

взгляд на сенатора, но о чем они там беседовали, эти недобитые завоеватели полумира, увы, было абсолютно не слышно – разговор шел в полголоса...

– Кажется, только теперь я понял, зачем тебе нужен был этот дурацкий с виду плот, – после недолгого молчания, словно спохватившись и придя в себя от мучительного раздумья над поступками своего фрегаттен-капитана, негромко высказался Фридрих и пожал руку сенатору, тем самым выказывая свое восхищение перед умом старшего боевого товарища. – Ну и в больших дураках оказался этот клоун Рыжая Борода! Надумал тягаться с самим Железным Дункелем! – сказал это столь искренне, что Отто не заподозрил даже намека на мелкую лесть – не в первый раз в своей жизни он, фрегаттен-капитан, с честью выходит из таких вот, казалось, тупиковых ситуаций! Тому недавнее и непредвиденное столкновение с пиратской шхуной «Медуза», а теперь и беспощадная расправа с подручными тех, кто пустился по его следу в надежде помешать, а то и отнять принадлежащее только ему сокровище, завещанное дедом Генрихом Дункелем!

– Кельтман через эти, нами устроенные взрывы потерял не одну, а обе яхты – посмотрим, как он теперь выкрутится в тисках жестокой конкуренции, на одной газетенке слишком не распикуешься! Капитан «Адмирала Нельсона» на месте катастрофы подберет визитные карточки не только с «Виктории», но и с нашей яхты, а Вольфгангу достанется страховка, но это далеко не однозначно и не равноценно погибшим прекрасным яхтам... Быть может, хотя и маловероятно, поплачет по сводному братцу. Заодно мы избавили свой континент от нового страшного социального зла, которое могло бы подорвать экономические устои не одной солидной фирмы в Юго-Западной Африке, а то и во всем Южно-Африканском Союзе. – Отто не удержался от громкого саркастического смеха, который и достиг ушей чуткого Роберта. У Дункеля даже всегда суровые, особенно в последние дни, глаза повеселели и в них запрыгали лукавые искорки.

Кугель не понял, неуклюже завожился в тесноватом брезентовом кресле, напомнив Дункелю толстого моржа, завалившегося между неудобными большими валунами, откуда не так просто выкарабкаться.

– О каком это страшном явлении ты говоришь? Растолкуй мне, а то я опять словно в тумане твоих размышлений увяз.

– Виктор Штегман при нашей памятной беседе в скверике предупредил, что для добывания средств на свои личные нужды он вынужден прибегнуть к испытанному историей способу – стать африканским Робин Гудом! И начать он решил почему-то именно с меня, с моих сокровищ... Ну не нахал ли? Столько лет пользовался моей крышей, и – такая неблагодарность! Пусть бы себе промышлял в других карманах и сейфах, я не против. И даже мог бы предоставить ему свои сейфы для хранения добытых «честным» способом денег, разумеется, за определенное вознаграждение, – снова засмеялся Отто. – Но он решил именно с меня начать свои пиратские действия. Я не стал возражать, пусть собирает сокровища, владения сказочно богатого Посейдона безграничны, но только подальше от места, где я сам намерен побывать!

Мои сокровища мне самому позарез нужны, зато у нас с тобой, дружище Фридрих, теперь развязаны полностью руки. Мы теперь вольные дельфины в океане – все дороги перед нами открыты!

– Да-а, мой фрегаттен-капитан, но у нас, как у глубоководного водолаза, приличный балласт на ногах – команда яхты! – Фридрих крутнул ладонями, словно показывая, что без стряхивания этого балласта считать себя абсолютно свободными – вещь весьма сомнительная. Не сговариваясь, оба быстро глянули на рулевого. Роберт чему-то улыбался, насвистывал песенку, но не забывал следить и за морем по курсу, отчего оба собеседника постоянно находились в поле его зрения. Из рубки вышел расстроенный и взмокший от возни боцман, долго смотрел на север, где давно уже исчез из вида клотиковый огонь «Адмирала Нельсона». Небо по-прежнему затянуто мрачными тучами, дул ровный пассат, и яхта, слегка наклонившись на левый борт, с легким плеском воды у форштевня неслась к югу...

– Ты же знаешь, что делает водолаз, когда в крошечной тьме неожиданно теряет ориентир – где дно, а где поверхность моря? – Отто с холодной улыбкой на лице посмотрел на Кугеля, давая понять взглядом, что проблему экипажа он постоянно держит в голове, а может, и нашел ей какое-то неординарное решение.

Штурман поднес кулак ко рту, легонько кашлянул, несколько раз медленно кивнул головой. Он знал, что в такой ситуации водолаз отстегивает и бросает один из свинцовых грузов. И смотрит, в какую сторону он начнет падать – стало быть, в противоположной стороне находится солнце и упоительный своей свежестью морской воздух...

– Ну что же, надо так надо, – философски проговорил Фридрих, заранее соглашаясь со всем, что предпримет Железный Дункель. – Если пошли в атаку, на полпути выпущенные торпеды назад не возвратят и в торпедные аппараты не впишут. Только бы благополучно добраться до нашего места. – А где оно, это место, Кугель по-прежнему знал только общие ориентиры – Оклендский архипелаг, в котором столько островков, скал и коварных для мореплавателей рифов...

– Как говорят священники страждущим прихожанам в утешение, даст Бог день, даст и пищу. – Отто склонил голову вниз и внимательно рассматривал собственные ладони, как если бы надеялся увидеть нечто неожиданное для себя. «И вы весь в крови, Дункель! Да, весь в крови, с головы и до пяток. Хотя и бултыхались в море! – Этот обличительный, на грани истерики выкрик Виктора Штегмана вторично ударил в голову и вызвал легкий звон. Отто поспешил стиснуть пальцы между собой, чтобы не видеть рук, как будто на них и в самом деле остались несмываемые следы чужой крови. Особенно той, которая проливалась считанные часы тому назад. – К чему это вспомнилось? Неужели подсознание само вызывает такие видения, как только разговор заходит о будущей и не до конца ясной судьбе экипажа? Будь я закостенелым мистиком, тогда можно было бы оправдать это большой психикой. Но я-то понимаю, что нахожусь в здравом рассудке...»

– Пища пище рознь, – непонятно к чему высказался Фридрих. – От нашей кормежки они могут протянуть ножи, ха-ха! – Кугель откинулся на спинку кресла и зловеще засмеялся, хотя лицо продолжало внешне оставаться безмятежным и привлекательным.

«Вот тебе и добряк Кугель! – поразился Отто, уставившись на своего штурмана. – Ишь как заговорил, когда перед носом отчетливо выросла кучка золота! Гораздо большее нетерпение проявляет в этом деле, чем я мог предположить. У меня и то временами пробуждается ненужная, может быть, жалость и всякие угрызения совести. А Фридрих настроен весьма решительно! Ну что же, так даже лучше, в нужную минуту рука у него не дрогнет, если дело дойдет до кровавой схватки...»

– Майкл, ну что там Мельбурн? – громко спросил Кугель у боцмана, который остановился около ходовой рубки и не решался без приглашения подойти к беседующим господам. И негромким голосом для сенатора добавил, что несчастный Кельтман, наверное, охрип от крика.

Горилла Майкл быстро вынул сигарету из зубов, ответил:

– Ищет в эфире, а надо искать в море!

Отто покосился на боцмана, но не стал уточнять, кого именно надо искать в море, их или Штегмана с компанией?

К полудню Майкл доложил, что Мельбурн перестал вызывать обе яхты по рации, а это значило, что Вольфганг Кельтман получил радиogramму с «Адмирала Нельсона» о катастрофе с его судами. Раздосадованный Майкл кулаком грохнул по нему передатчику – много ли теперь толку в этих железках и проводках, если он, боцман, не может сообщить хозяину, что «Изабелла» не взлетела на воздух, хотя и была на волоске от такой же жуткой участи.

– Теперь остается только ловить музыку и веселиться вместе с далекими артисточками! – пожаловался Майкл, когда, немного вздремнув после обеда, сенатор заглянул в ходовую рубку и для контроля посмотрел на компас. Кривоносый Клаус, негромко напевая веселую песенку

про красавчика Вилли, который так нравится бременским девочкам, поклонился сенатору так многозначительно и таинственно, что Дункель невольно насторожился, не показывая, правда, вид, что принял это поведение рулевого к сведению.

«Клянусь священными водами Стикса, этот парень, как мне все больше кажется, не так прост и себе на уме! И минувшей ночью он выглядел довольно спокойно, не суетился и не ломал пальцы в истерике, как Горилла Майкл, который возится у шпилья... Обязательно надо будет приглядеться к нему повнимательнее. Все-таки свой человек, немец, не русский, с его извечной ненавистью к нам, и не нигер Джим, который ходит за боцманом, словно дрессированный пес... Неужели Клаус что-то подозревает? А может, видел какие наши приготовления против "Виктории" и смекнул?»

– Какая у яхты скорость, Клаус? – уточнил Отто, чтобы завязать разговор. – Не слишком ли мы спешим?

Клаус глянул на датчик механического лага, ответил, что скорость на эту минуту четыре и три десятых узла.

– Маловато, господин сенатор... Так можно и опоздать, не правда ли? – Его фраза прозвучала с непонятной интонацией в концовке – то ли он сам боялся куда-то опоздать, то ли спрашивал у Дункеля, не боится ли тот сам куда-то прийти позже срока?

– А куда ты спешишь, почтенный Клаус? – усмехнулся Отто, подталкивая рулевого на продолжение разговора. «Давай, дружище, раскрывай раковину своей души, хотелось бы туда заглянуть поглубже», – подумал Дункель, присаживаясь на складной стульчик у нактоуза. – Или дома какие важные и неотложные дела ждут?

– Да нет там никаких важных дел... Важные дела надо вести с приличным капиталом на счете, а у битого боксера не может быть такого состояния. Вот если бы чудо какое свершилось... – И рулевой умолк, как бы давая возможность сенатору самому догадаться, что бы он, Клаус, сделал, произойди это чудо и на самом деле.

– Как знать, Клаус, как знать! – тоже полунамеком ответил Отто и сделал широкий жест руками, насколько позволяла тесноватая рубка яхты. – Мир велик и что в нем порою творится, даже Господу не всегда известно. Жди и надейся, может, и придет к тебе если не чудо, то удача в виде того самого приличного состояния, о котором ты так упорно мечтаешь.

– Чтобы поймать свою удачу, господин сенатор, я готов не только ждать, как вы советуете, но и действовать! – Последнее слово Клаус проговорил в растяжку, с глубоким намеком, но почти шепотом, потому как осмотрев внимательно шпиль, к рубке направился сумрачный боцман.

– Зер гут, – кивнул головой Дункель и опять двусмысленно, как бы понимая и принимая предложение Клауса о возможном «партнерстве» в будущих делах, добавил уже более откровенно: – Я не привык отталкивать дружески протянутую мне руку. Тем более если это рука соотечественника... Но об этом потом и с глазу на глаз. А теперь подай мне карту. Да, вон ту, что лежит свернутой на рабочем столике. – Отто взял карту, вышел чуть вперед из ходовой рубки, развернул ее, чтобы сориентироваться на местности, хотя это было гораздо труднее, чем на суше. – Слева за горизонтом у них лежит Новая Зеландия, но близко к берегу подходить нельзя во избежание встречи с каботажными судами. А пассажирские пароходы в тот район моря, куда направляется «Изабелла», не заходят – основная трасса из Хобарта на Веллингтон пролегает гораздо севернее.

С видом собаки, потерявшей заботливого хозяина, тихо подошел Горилла Майкл, сдержанно кашлянул в кулачище, чтобы сенатор обратил на него внимание и оторвался от разноцветной карты.

– Что тебя так заботит, Майкл? – посмотрев на боцмана суровым взглядом, спросил Отто. – Можно подумать, что это твоя яхта подорвалась на mine... Или по крайней мере на

ней плавали твои наилучшие друзья! Хотя я не знаю, может тот боцман с «Виктории» и был твоим верным другом?

– Да нет... Скорее, наоборот. Он однажды наябедничал Кельтману про мою драку в таверне, о которой даже полиция не могла дознаться, чьими руками так старательно переломана мебель... Просто у меня без передатчика такое ощущение, как будто я полуголох – слышу, а говорить не могу.

– Не такая уж это и беда, Майкл, через день-второй привыкнешь. Тем больше будет радости хозяину, когда мы причалим к мельбурнскому пирсу. Он и нас считает исчезнувшими, а мы тут как тут! Правда, и огорчится одновременно! – не без юмора добавил Отто, постаравшись изобразить, какую рожицу скорчит Кельтман при их возвращении.

– Да почему же огорчится? – не понял простодушный Майкл и уставился маленькими недоверчивыми глазками на чудаковатого сенатора – как можно огорчаться, если возвращается твоя целехонькая яхта?!

– А если Кельтман получил уже от страховой компании за нее страховку, которая много больше, чем стоит наша «Изабелла»? Жалко будет возвращать денежки! Мореходная практика имеет сотни случаев, когда хозяева страхуют свои пароходы на солидную сумму, а потом устраивают им правдоподобные пожары или аварии. Не доводилось тебе читать сочинение господина Стивенсона «Потерпевшие кораблекрушение»?

– Не-ет, не читал. Да и когда мне читать, господин сенатор? А вы правы, мог застраховать. Я и не подумал, что можем огорчить хозяина своим возвращением! Хотя и не приходи больше домой! Ну и де-ла-а на белом свете! – Горилла Майкл с остервенением почесал грудь, словно этим можно было выпарапать из себя нахлынувшие сомнения.

– А мы, тебе в утешение, все же имеем пеленгатор, что для нас в открытом море не так уж мало. Будем ориентироваться на радиомаяки крупнейших портов. – И после небольшой паузы, устремив в глаза боцмана пронзительный и строгий взгляд, спросил: – Ну так что, дружище Майкл, идем дальше, как наметили? Или будем возвращаться домой... с пустыми карманами? – В присутствии рядом Клауса Отто не стал говорить громко о сокровищах, решив сначала прощупать этого боксера как следует, чтобы вторично не наскочить еще на один подводный «риф», подобно бывшему дворнику Тюрмахеру.

– А-а? – Майкл даже дернулся, как от легкого удара электротоком, вскинул на сенатора быстрый и весьма заинтересованный взгляд. Он хорошо запомнил тот первый их разговор в порту Опонони, но за минувшими событиями решил, что господин сенатор тогда просто пошутил над ним, пообещав в конце плавания огромные деньги...

Дункель отлично разгадал его сомнения, улыбнулся, отвернул на всякий случай лицо от ходовой рубки: пусть Клаус думает, что у них идет обычная деловая беседа, а не дружеский сговор.

– Я своих слов на ветер не бросаю, дружище Майкл, хотя здесь, в открытом море, этого ветра как раз и предостаточно. Со всех сторон свистит ветер и гуляют волны! – все так же негромко продолжал говорить Дункель настороженному в ожидании его пояснений боцману, отмечая тем самым прочь его последние, быть может, сомнения и колебания. – И отлично сознаю, что ты – старший над командой, тебе и плата будет особая... Морякам до поры до времени знать лишнего вредно. На обратном пути мы с Фридрихом и с сыновьями высадимся в порту Данидин, на Южном острове Новой Зеландии. Оттуда пароходом отправимся к себе домой, а вы на яхте вернетесь в Мельбурн. Залог, который я оставил Кельтману за «Изабеллу», он перешлет на мой счет в банк Виндхука, никуда не денется, хотя и будет сожалеть о потерянных капиталах. Мне – да и тебе тоже! – особо подчеркнул Дункель, внимательно изучая мимику боцманского лица, – важно на это время исчезнуть из-под полицейского присмотра Кельтмана. Жаль, конечно, что с «Викторией» случилось несчастье, тут свое сыграл злой рок... Если бы мы шли корпус в корпус или чуть правее, и мы бы нюхали теперь цветочки в садах

подземного царя Аида. Но коль скоро судьба предоставила нам именно так освободиться от инспектора Паркера, не станем особенно сетовать на судьбу. Иначе пришлось бы придумывать что-то другое, конечно, не столь жестокое, средство избавиться от их преследования. Я крепко надеюсь на твою помощь, дружище Майкл. – За спиной раздались голоса, и Отто умолк, повернувшись к корме, чтобы увидеть, кто это вышел из кубрика?

На палубу, пообедав, вышли Карл и молчаливый Вальтер. К ним, прихватив недочитанный роман о графине де Монсоро, присоединилась немного бледная после минувшей жуткой ночи баронесса Бутанис. Одета в легкий белый костюм, но с черным – траурным – шарфиком на шее, Марта сосредоточенно поставила кресло так, чтобы тень от грота не падала на нее, вынула из белой кожаной сумочки защитные очки, раскрыла книгу, где лежала тоненькая из красного шелка закладка, но читать сразу не начала. Откинув голову на брезентовую спинку кресла, она смотрела вдаль, куда неслась «Изабелла», словно пыталась увидеть недалекое будущее, а может быть, и каким-то особым чувством предугадать то, что ждет их в неведомом грядущем через десятилетия, когда от этого, такого странного плавания останутся смутные воспоминания, не более того...

«Непонятно мне, почему Вальтер тогда назвал своего отца таким странным именем – Протей, кажется... И не пояснил, кто он, этот Протей? И какой? Добрый или злой гений? Скорее всего, божество. Прямо удивительно, они все так хорошо знают греческую мифологию. Обязательно попрошу Вальтера дать мне книгу греческого эпоса, почитаю. И постараюсь запомнить». – Марта, чтобы прервать несколько натянутое молчание – братья после гибели «Виктории» тоже пребывали в тягостном трансе, так что и говорить-то было им трудно – спросила все же, стараясь хоть как-то отвлечь их от неприятного воспоминания:

– Вальтер, а сколько дней надо, чтобы на этой яхте обойти вокруг земного шара? Месяца три?...

Боцман, видя, что молодые люди заняты своей беседой и не помешают закончить интересный разговор с господином сенатором, привычно кашлянул в кулак, выказывая тем свои глубокие раздумья, негромко ответил на предупреждение Дункеля помалкивать пока про сокровища:

– Согласен с вами, господин сенатор. Морякам пока не надо ничего знать... про будущие сокровища и про ожидаемое вознаграждение. Я думаю, если вы дадите каждому по тысяче-другой фунтов стерлингов, они проглотят собственные языки, даже без подливки, – пошутил Горилла Майкл. – Никому нет резона встречаться с полицейскими ищейками и объяснять, откуда у него появились такие бумажки. Будут молчать, в этом я уверен так же твердо, как и в том, что моя толстушка Генриетта уже скучает по муженьку.

– Вот и отлично, Майкл. Возьмем курс на зюйд-зюйд-вест. Надо пройти мимо западного выступа Южного острова у Новой Зеландии.

– Как прикажете, господин сенатор, – четко ответил Майкл, прошел к рубке передать команду Клаусу. Возвратившись к сенатору, с тревогой взглянул на небо. – Стрелка барометра ползет устойчиво влево, боюсь, как бы не налетел штормяга! А мы далековато ушли от порта, не успеем возвратиться, даже если бы и хотели там укрыться.

– Вот дьявол! Только этого нам и не хватало теперь! – Отто вслед за боцманом посмотрел на запад, откуда дул приличный, баллов в четыре, ветер. Этот ветер уже начал понемногу нагонять волну, отчего яхта кренилась при бортовой качке. – Майкл, прикажи убрать геную! Пойдем пока под одним гротом. Не дай бог, налетит шквал, сорвет паруса, останемся с голой мачтой!

Боцман в некоторой степени успокоил сенатора, сказав, что в такелажном отсеке у него хранятся запасные паруса для грота и генуи, но рисковать, конечно, не имеет смысла, плавание далеко не закончено, могут случиться и шторма и штили...

– Не Мельбурн у нас на горизонте, чтобы торопиться в жаркую баньку и к женушкам под бок укладываться, – пошутил боцман, включил микрофон и скомандовал вахтенным морякам: – Убрать геную! Быстро! И я с вами, ребятки мои маленькие!

Майкл, а с ним Джим и Чжоу Чан сноровисто отвязали шкоты, спустили парус, накрепко привязали его к мачте, чтобы не плескался по ветру. А потом с тревогой наблюдали, как грот надуло ветром втугую от усиливающегося бокового ветра. «Изабелла» кренилась, правым бортом встречала набегающую волну, пропускала ее под собой, заваливалась вправо, уходила вниз, чтобы снова подняться на очередной морской вал. Примерно через час, присмотревшись, Фридрих, с озабоченностью изучавший западную часть горизонта, объявил во всеуслышание:

– Тучи некрасивые показались, фрегаттен-капитан! Правда, далековато, где-то за Тасманией разыгрался шторм... Но долго ли примчатся в наши координаты? Несколько часов и... – Кугель не стал заканчивать фразы, всем и так понятно, что будет твориться, когда яхта попадет если даже и не в центр шторма, а в ближайшую сотню миль от этого центра!

Отто Дункель и сам невооруженным глазом заметил, что на западе небо начало заволакиваться темной, плохо различимой пока что полоской, низкой и вроде бы неподвижной.

– Если ураган идет строго к северу, то нас может зацепить лишь краем. Тогда ветер должен вскорости смениться на попутный, то есть задует в корму «Изабеллы», яхта побежит куда резвее! – Отто раскрытым ртом хватил упругий ветер, отвернулся. – Баронесса, вам лучше спуститься в каюту, погода портится с каждой минутой!

Марта, так и не приступив к чтению, повернулась к рубке. В ее светло-голубых глазах неожиданно заиграл азартный огонек, словно она ждала этого шторма, желая еще раз испытать себя, своих спутников, в том числе и его, Отто Дункеля, на выдержку, мастерство и силу духа...

– Уверю вас, баронесса, шторм был хорош для Волка Ларсена! Он водил по морю свой «Призрак», который покрепче и побольше нашей скорлупки!

Баронесса все с той же улыбкой решимости отчаянно потрянула головой, выказывая пренебрежение к словам разума.

– А-а, вы хотите взглянуть в суровые глаза самого бога морей Посейдона? Намерены своими чарами ублажить старика и... – Отто не договорил, улыбнулся и с юношеским задором подмигнул Марте. Только было собрался сказать, что и Черный Волк не побоится озверевшего океана, однако смутился, как бы баронесса не посчитала его желторотым хвастунишкой. – Старайтесь, баронесса, чаруйте владыку океанов! Видите, что-то взволнован Посейдон, размахался бородищей!

– Отчего же он такой... такой неукротимый и беспощадный? – поинтересовалась Марта. – Как языческий бог древности, которому бесконечно надо было приносить человеческие жертвы.

– А он и есть языческий бог древних греков, – заметил Карл, поеживаясь на ветру, который становился все прохладнее – начало сказываться ледяное дыхание Антарктики. – У каждого бога прежде были сотни алтарей, там их и «подкармливали». Теперь люди позабыли такие обряды, вот и бушует он, наш владыка!

– Наверно, не только за это сердает Посейдон, – негромко обронил Вальтер. – Ведь совсем недавно люди принесли им в жертву всех пассажиров «Виктории», разве вы уже забыли об этом? Стало быть, не в недостатке жертвоприношений причина его гнева... Отойдемте отсюда, баронесса, уже начинают залетать брызги. – Вальтер вместе с братом отошли к мачте, перенесли с собой и свои стульчики. – Вы идете с нами? – Вальтер спросил баронессу, но взгляд его застыл на лице отца. Тот не выдержал укора в глазах сына и, чтобы не видеть этого, поспешил обратиться к Марте:

– И каково ваше решение, баронесса? Бежим от гнева Посейдона, или не устрашимся, останемся здесь? – А в голове, словно перепуганная птица в клетке, металась мысль, не находя решения: «Проклятье! Что же ему известно? И почему Вальтер упорно не идет на откровенный

разговор, а только все время втыкает мне в сердце такие вот ядовитые гадючьи шпильки, вроде недавнего жертвоприношения пассажирами взорванной яхты! Настаивает, чтобы я сам ему обо всем покаялся!

Но не могу же я открыть ему, что сделал Цандер по моему приказу? А если он имеет что-то другое в виду? Вот будет картина!!! Да в припадке ярости Вальтер может запросто убить меня из своего пистолета! И будет прав, безусловно, любой суд, а тем более суд совести, его оправдает! – Отто покосился на спину Вальтера, который неспешно отправился в свою каюту, подумал с запоздалым сожалением: – Наверно, зря я взял его с собой. Надо было оставить дома под присмотром Цандера... – И тут же начал оправдывать себя. – Думал, путешествие развлечет его. А тут смерть Али, и эта идиотская встреча с Тюрмахером, которую невозможно было предусмотреть! Но главное, никак не могу добиться, о чем они говорили в сквере? После той беседы Вальтер совсем замкнулся в себя, нервничает, порою вот так, как только что, открыто дерзит, говорит всякую двусмыслицу, под которой можно подразумевать буквально все...» – Что вы сказали, баронесса? Простите, я так ушел в свои... – Отто хотел сказать «в свои переживания», но тут же поправился: – В свои мысли о надвигающемся шторме.

– Мне нравится смотреть на такое вот море! – ответила, вернее, повторила Марта. – Именно такое оно еще больше кажется живым и чувствующим по-человечески существом... Вы так же думаете, герр Отто? Или мои слова вам кажутся нелепыми?

– Напротив, баронесса! – живо ответил Отто, и будто позабыв недавние тревоги, подхватил разговор: – По-видимому, в силу вот таких же впечатлений древние люди и наделили море сверхъестественной силой, поселив в нем массу разных богов и богинь, в том числе и их детей, как те же nereиды, покровительницы мореплавателей...

За таким оживленным разговором прошло полчаса, не меньше. Сменилась вахта, на руль заступил Роберт, механик Степан Чагрин спустился в машинное отделение, чтобы можно было в любую минуту убрать парус и запустить двигатель. Карл, некоторое время побыв в одиночестве около ходовой рубки, тоже ушел в каюту, видя, что в его помощи команда пока не нуждается.

Отто Дункель, только на минуту оставив бак, сбегал в каюту за прорезиненным плащом, не отпуская леерного каната, вернулся на бак, где оставалась сидеть в кресле Марта, постоянно хватаясь за бело-розовую шляпку. Он накинул на плечи баронессы плащ и встал рядом, широко расставил ноги для большей устойчивости. И смотрел туда же, на юг, словно там вот-вот должны были загореться их счастливые путеводные звезды, его и баронессы Марты... Океан дыбился... так перед смертельным прыжком волнами дыбится шкура у разъяренного и смертельно раненного тигра. Баронесса, сама того не замечая, побелевшими пальцами охватила подлокотник кресла, но горящие глаза все с тем же восхищением и с дерзким вызовом упрямо наблюдали за начинающимся штормом. «Как страшно и восхитительно! – с замиранием сердца про себя шептала Марта, боясь выказать этот страх перед стоящим рядом сенаторам. – Неужели и на мою долю выпало все это увидеть и испытать! Боже, что за прелесть вот это стремительное плавание на грани гибели! И я здесь, сижу и смотрю, быть может, собственной последней жизни в глаза!»

– Готт вердамме мих!¹ – с вызовом прокричал Отто, как если бы из темно-зеленых волн уже высунулась рогатая голова премерзкого чудовища и вот-вот должна схватить его и утащить в пучину. – Через час-другой нас, похоже, слегка качнет!

– Это и вправду очень опасно? – живо подняла голову Марта, придерживая шляпку правой рукой. – А разве это уже не настоящий шторм? – В глазах баронессы по-прежнему метались бесовские огоньки, как если бы она была в сильном опьянении вином и не сознавала меру надвигающейся беды. – Я так много читала о штормах, что и в самом деле захотелось увидеть,

¹ Готт вердамме мих! – Будь я проклят! (нем.)

что же это такое?! Я думала, что у Тасмании нас настигал самый сильный в свете шторм... Но там был совсем близок берег и очень сильного страха я не испытала. А что, если теперь нас догонит ураган, а?

– О-о, милая баронесса! – ответил Отто на эти почти по-детски наивные рассуждения молодой женщины. – Одно дело читать о шторме, лежа на мягком и сухом диване! И совсем другое – летать по каюте, испытывая прочность перегородок собственной, да еще такой очаровательной, как у вас, головкой! Не приведи Господь, иначе придется вас привязывать ремнями к дивану. И вы даже не сможете встать, если вдруг яхта пойдет... Лучше об этом не говорить, у меня озноб побежал по рукам, видите, волосы на запястьях встали дыбом... Я буду молить Посейдона и всех пятьдесят прекрасных принцесс-нереид, чтобы нас минула страшная участь... погостить у них на глубине. Баронесса, ветер становится очень прохладным, не простыли бы вы.

– Герр Дункель, а вы часто попадали в настоящий шторм, чтоб головой о перегородку? – спросила Марта и улыбнулась, смешно поморщив нос. На скулах проступил легкий румянец, должно быть, хотела еще о чем-то спросить, да постеснялась. А может, это ему показалось, румянец мог выступить и от прохладного ветра или от страха, который баронесса так умело прячет за внешней беспечностью.

Отто с удивлением в который раз заглянул ей в глаза. «Что это? Бравада перед смертельной опасностью? – подумал он, пытаясь полностью разгадать характер баронессы. – Такое бывает у новичков на море, правда, пока смерть действительно не схватит за горло костлявой рукой. Или у нее огромная сила воли, что умеет так ловко скрывать страх за беспечной улыбкой. Есть такая категория отчаянных людей, которые и умирают с улыбкой на устах, подобно мушкетерам Дюма... Ну и нервы у моей милой Пандоры! Будто и в самом деле она не от женщины родилась, а выкована в горниле олимпийского бога Гефеста!» – И с восхищением пожал влажную от брызг руку баронессы.

– Вы очень далеко мыслями, герр Дункель! И не ответили на мой вопрос! – напомнила Марта.

– Бога ради, Марта, зовите меня просто по имени – Отто. Иначе получается, как в полицейском участке, предельно строго и официально!.. Вы очаровательны, баронесса, и я совсем потерял голову... – Он чуть наклонился над креслом, вроде бы поправить плащ на ее плечах, и совсем близко заглянул в глаза Марты. Женщина поняла, что он хочет поцеловать ее в губы, во взоре мелькнул испуг: из рубки их хорошо видит Роберт, там же и боцман Майкл, да и вахтенным морякам они видны, как на ладони... И в то же время она в неожиданно нахлынувшем затуманенном упоении вдруг ощутила себя маленькой и беспомощной пылинкой в неодолимом магнитном поле. И центром этого поля был он, Отто Дункель, – красивый, сильный и с поистине бесовской своей устремленностью в манящее будущее, которое где-то там, за далью океана. Он так не похож на тех женихов, которые окружали Марту в Мельбурне, на раскаленном асфальте города, с цветами в руках, наглаженные и припомаженные лучшими парикмахерами... О не-ет, Отто не был мужланом в полном смысле этого пренебрежительного слова, далеко не мужлан! Он элегантен, всегда изысканно одет и идеально выбрит, но в нем, в манерах и в теле так много от этого вот океана! Он весь пропитан духом моря, бурь и кипучих страстей...

– Опомнитесь... герр Отто, – почти беззвучно выдохнула Марта и, словно так можно было спасти себя, закрыла глаза. Румянец сошел с лица, она будто уснула, очарованная, бес- сильная, как спящая принцесса из сказки бессмертного сочинителя.

– Марта, Марта, – Отто легонько сжал руку молодой женщины, – вы возвращаете меня в далекую молодость... Будто и нет за спиной этой ужасной войны, разлук и потерь, случайных встреч и... и этой многолетней душевной пустоты, в которой носились какие-то ужасные черные вихри.

– Но у вас... Отто, два сына, внуки. – Марта постаралась взять себя в руки после истомного, неожиданного для самой полуобморока. Напряженно пыталась понять, чем было вызвано такое душевное смятение? Неужели ей хотелось любить этого необыкновенного человека? Тем более, и она ему далеко не безразлична, это по его глазам видно... Что же мешает им соединиться? Разница в возрасте? Марта считала себя достаточно разумной, она сумеет подняться если не годами, то поведением, до уровня Отто. Разница в общественном положении? Он – сенатор, наверняка владеет большим состоянием. Но и у нее свое приданое, которое в высшем свете ценится иной раз не дешевле чековой книжки с семью-восемью цифровым значением. Она из старинного баронского рода, молода и достаточно привлекательна. К тому же, Марта это знала за собой, у нее всегда сначала решал рассудок, а потом уже вступало в свои права сердце. А это в семейной жизни человека из высшего общества куда важнее одной чувствительности...

– Внуки не на мне, они на Карле. Сыновья уже достаточно крепко стоят на ногах и в моей постоянной опеке практически не нуждаются, – негромко ответил Отто, радуясь, что Марта, похоже, ложится на встречный курс, как сказал бы его верный Гилас² – Фридрих Кугель. Он взял прохладную от морской воды руку Марты, бережно поднес к губам и поцеловал. – Я увезу вас с крошкой Элизабет к себе, и вы превратитесь в самый крупный алмаз из сказочных сокровищ царицы Савской!

Марта засмеялась, убрала руку под плащ.

– А вы не боитесь, Отто, что и на меня там найдутся похитители бриллиантов, какие-нибудь отважные французские искатели сокровищ? – Она окончательно пришла в себя, улыбнулась, подняла взгляд на сенатора. Умей он читать в их глубине сокровенное, мог бы понять, что в этих глазах он видит не только нежность, но и трезвый расчет, которым в большей или меньшей степени богиня Ата³ наделила каждую женщину, чтобы ей легче было держать в руках своих возлюбленных.

– Я убью каждого, кто осмелится дерзко глянуть на мою жену!

– Вот как, Отто! Вы уже приняли окончательное решение? – воскликнула несколько обиженная таким скорым натиском сенатора Марта, но сама улыбается, держит рукой шляпу, неожиданно ойкает – в правую скулу яхты ударила волна, через невысокий фальшборт перелетели гораздо крупнее, чем прежде, брызги.

– Вы не сказали «нет», баронесса, и это дает мне надежду...

– Но я еще не слышала от вас никакого официального предложения, герр Отто... Кроме того, что вы где-то потеряли голову и что убьете каждого, кто дерзко посмотрит на вашу жену! Так кто же она, эта счастливая избранница? Назовите мне ее имя, и сейчас же, иначе я выброшусь за борт! – Марта засмеялась нежно, и Отто уверовал в возможное и весьма скорое счастье. Сердце не могло его обмануть в такую минуту!

– Как! Вы не видите, что моя бедная голова валяется у ваших прекрасных ног?! Ради всего святого, баронесса, поднимите ее своими ласковыми руками, иначе волны смоят ее за борт!

Марта кокетливо опустила глаза, вздохнула и с игривым сожалением произнесла:

– Женщинам всегда приходится жертвовать свободой ради счастья мужчин... И как печально бывает, когда мужчины оказываются несносными эгоистами!

Отто Дункель с трудом совладал с взволнованным дыханием и сердцебиением – как давно он не испытывал ничего подобного! – принял подобающее выражение лица, негромко с легкой дрожью в голосе торжественно произнес:

– Баронесса Марта, я предлагаю вам руку и сердце! И перед лицом Господа, который в эту счастливейшую для меня минуту непременно смотрит на нас, клянусь быть преданным

² Гилас – любимец и оруженосец Геракла (*греч. миф.*).

³ Ата – богиня обмана (*греч. миф.*).

и любящим мужем, заботливым отцом для Элизабет, готов отдать за вас жизнь, если обстоятельства того потребуют!

Марта легко поднялась из кресла, отвернулась от ветра – пышные волосы перелетели со спины и легли на плечи.

– Благодарю вас, Отто... Если мама благословит нас, я тоже дам свое согласие и приму ваше предложение. Видите, я покорная и послушная дочь. И обещаю вам быть такой же супругой. Но и вы мне пообещайте непременно...

– Все, что только вы попросите, несравненная Пандора! Для вас, а я надеюсь на взаимную уступчивость, отныне ни в чем не будет отказа. Итак, как говорят арабские джинны: «Слушаюсь и повинуюсь!»

Марта, чтобы крепче стоять на палубе, которая то и дело кренилась с одного борта на другой, взяла его под руку, ласково глянула в глаза сенатора, которые приняли строгое выражение.

– Обещайте, что вы не станете причинять больше страдания своему сыну и благословите брак Вальтера и девушки, которую он полюбил... Вы это вроде бы уже обещали Вальтеру, так не отступайте от своего слова, которое, возможно, дали в расстроенном состоянии. А я в Амрите найду себе добрую подругу. Мне жаль Вальтера, он так страдает от разлуки с любимой женой. И от вашей, Отто, суровой непреклонности. Так вы мне обещаете?

Яхту резко качнуло на крутой волне, Отто прижал руку баронессы к своей груди крепче, сделал над собой титаническое усилие, чтобы не отвести глаза и не выдать отчаянного волнения души голосом.

– Обещаю, милая Пандора! Обещаю сделать все возможное, чтобы Вальтер нашел свое счастье. – А про себя подумал: «Я не уточняю, с кем он найдет это счастье, и это мне будет в оправдание перед лицом всевышнего суда за произнесенную клятву. Ну а ты, моя прекрасная Пандора, со временем будешь жить только моими интересами... А пока тешься иллюзией свободы и права выбора!» – Ох ты-ы, – воскликнул он, внимательно посмотрев вокруг себя на волны с появившимися пенистыми «барашками» на них. – Ветер крепчает. Дорогая, тебе действительно необходимо спуститься в каюту. Здесь становится небезопасно. – И пошутил, чтобы снять напряжение до предела натянутых нервов: – Я понимаю, заманчиво явиться перед лицом всеильного бога морей и посоревноваться в красоте с его супругой Амфитритой, но такую жертву я не могу принести даже моему покровителю Посейдону!

– Я же говорила, что все мужчины – эгоисты! – напомнила Марта и, напустив на себя строгость, погрозила Дункелю пальцем.

Проводив Марту до каюты и испытывая угрызения совести от только что данной клятвы, которую он уже не в состоянии выполнить, Отто подошел к рубке. Его верный друг, точно не догадываясь, о чем шел разговор на баке, из деликатности ждал, что фрегаттен-капитан сам скажет об этом.

– Фридрих, надо включить двигатель. Будем на полном ходу удираť от урагана. Майкл, где этот Русский Медведь? Ушел в свою берлогу или на вахте?

– Да, господин сенатор, механик сидит в машинном отделении. Я передам приказ включить двигатель. – И боцман тут же склонился над открытым входом, прокричал распоряжение Дункеля. Чагин что-то ответил, без промедления нажал на пусковой стартер. Яхта чуть приметно вздрогнула, заметно увеличивая скорость, пошла вперед.

– У нас есть десять шансов из ста ускользнуть от жестокой трепки, отделавшись испугом... Фридрих, побудь здесь на вахте вместе с Майклом, а мы с Клаусом в полночь сменим вас. Не возражаешь?

– Зер гут, мой фрегаттен-капитан, – ответил Кугель, а глазами спрашивает совсем о другом.

– Все будет как надо, дружище! На этом пути нас не подкарауливает минная банка... Знаешь, Фридрих, оказывается, мое сердце не настолько окаменело, не как панцирь у старого краба. И это меня так приятно удивило! Возвратимся домой, ты приедешь ко мне в Виндхук, и мы сыграем такую свадьбу, что всем чертям тошно станет! Пойду переоденусь...

– Я рад за тебя, Отто, видит мой бог, рад! Марта – женщина не только красивая, но и умная. Стоит только посмотреть в ее глаза, сразу поймешь, что это не обычная светская пустышка, способная лишь на кокетство и проматывание денег... Вы будете счастливы, мой фрегаттен-капитан.

– И я рад, что баронесса пришлась тебе по душе, Фридрих. Со временем ты переедешь ко мне, и мы будем жить одной большой семьей, неразлучные, как канат и якорь. – Отто поспешил в каюту, с некоторым удивлением вспоминая разговор с Кугелем. – «Ишь, догадлив мой штурман, по одной сцене определил, что я крепко сел на семейный риф! Ну что же, значит, пришло мое время... вторично. Но в смерти той Марты я не повинен, ее погубила война... – И неожиданно почему-то подумалось: – А ведь якорь и цепь не всегда бывают неразлучными. Разве мало якорей лежит на морском дне, оторвавшись от своей цепи... Но мы с Фридрихом не простые железки! Наша дружба проверена не только на простое механическое растяжение...»

В каюте он поспешно снял влажную одежду, натянул мягкий спортивный костюм, вынул из буфета бутылку шампанского, фрукты, шоколад, тихо торкнулся в каюту баронессы. Марта, зарумянившись, отложила книгу и без единого слова встала из кресла, шагнула навстречу, сама обняла Дункеля за шею и прошептала:

– Ты пришел... и ты мой!

– Да, прекрасная Пандора, твой... – Отто положил гостинцы на столик, потом крепко, но ласково и страстно обнял гибкий стан Марты. – Владыка морей и мой покровитель Посейдон отпустил меня со службы до полуночи, в полное твое распоряжение, милая Марта...

После долгого поцелуя, задохнувшись, Марта тихим и счастливым голосом прошептала:

– Я беру тебя у твоего морского бога на всю жизнь... На всю нашу долгую и счастливую жизнь!.. Какой ты горячий и нетерпеливый, мой Отто!

* * *

Всю ночь яхта шла под парусом и с работающим двигателем, развивая предельную скорость до девяти узлов. Под утро, успокоившись, что ветер не стал сильнее, Отто Дункель приказал Степану выключить двигатель, моряки подняли второй парус. По мере того как ветер все больше уходил за корму, лица команды и пассажиров светлели, несмотря на то что небо оставалось хмурым, лохмато-черным и угрожающим – это было лицо утихомиреного, сытого зверя...

– Кажется, Господь пронес беду над нашими головами... И даже шапок не снимал, – довольный, произнес Фридрих, заглянув перед обедом в каюту Отто. – Теперь недели две можно путешествовать спокойно. Пойду вытяну ноги после вахты. Может, вздремну часок-второй-третий, – пошутил Кугель.

– Отдохни. Пусть Майкл побудет в рубке. Я тут кое о чем подумаю и поднимусь на палубу.

Когда за Фридрихом закрылась дверь, Отто открыл один из своих чемоданов. Через полчаса без стука вошел Карл, присел на маленький стульчик у стола и внимательно посмотрел, чем это занимается отец. Отто сидел на диване, сосредоточенно изучал подробную карту южной части Тасманова моря, от острова Стюарт и до Оклендского архипелага. На карте были помечены острова Кэмпбелл на юго-востоке от Окленд и остров Макуори далеко к югу, почти у пятидесятой параллели южной широты. Едва Карл вошел, как Отто оторвался от карты, повернулся и озабоченно взглянул на старшего сына.

– Что Вальтер делает?

– Сидит, будто экспонат в музее восковых фигур. Только и разницы, что глазами моргает... Как заколдовал его Тюрмахер! Мы перед этим так хорошо прогулялись по городу, Вальтер всю дорогу шутил, и – на тебе! Когда Вилли уходил от брата, мне показалось сразу же, что Вальтер стоит с поникшей головой, я подошел к нему, а он выглядит как после сна со страшными кошмарами, лицо желтое, почти апельсинового цвета!.. Если бы я заранее знал о таком последствии их беседы, валялся бы тот клоун в скверике в глубоком нокауте! – Карл резко взмахнул рукой, изображая, как он нанес бы удар Рыжей Бороде!

Яхту повалило на волне, и Карл ухватился за стол, привинченный ножками к полу.

– Вот, жизнь какая у нас неустойчивая, – пошутил он. – Даже кулаками вволю не помахашь!

– Не тревожься, что не отплатил Тюрмахеру за предательство! Циркач уже получил свое. И покрепче кулака в морду! И клоун, и Гансик, и этот полицейская ищейка! Все получили сполна, чтобы не лезли в чужие дела своими свиными рылами! – Отто проговорил тихо, но зло, сквозь зубы. И было в этих словах что-то такое зловещее, что Карл мгновенно, уловив эту интонацию в голосе отца, вскинул на него вопрошающий взгляд, однако не решился спросить о том, что неожиданно пришло в голову. «Неужели это его рук дело? Но каким же образом? Хотя для Железного Дункеля, если он что-то наметил, препятствий не существует!»

Старший Дункель недобро хохотнул, самодовольно поднял правую руку перед собой и оттопырил большой палец, как бы хвастаясь чем-то. «Похоже, не плохую шутку сыграли мы с Фридрихом, даже Карл попался на эту инсценировку... Вот разве рулевой Клаус... Что-то в его глазах было такое, что заставляет насторожиться... И еще Вальтер с этой дурацкой репликой. Этот вообще ходит надо мной, будто посланец неба с карающим мечом! – Отто подумал так о сыне, и неприятная тяжесть опустилась на сердце, он понял, что сам и вполне сознательно отодвигает от себя сына на такую дистанцию, на которой в один момент они могут вообще разойтись... – Да-а, Вальтер мне не помощник, его к моим делам привлекать никак нельзя! Хотя бы Карла удержать возле себя, а для этого надо понемногу готовить его к испытаниям на сильные психологические нагрузки. А эти нагрузки, похоже, грянут очень скоро». – Отто решил полностью «рассекретиться» перед сыном. Лицо его приняло строгое выражение, но в глазах неожиданно высветилась насмешка.

– А ты думал, что яхта и в самом деле подорвалась на mine? Не-ет, это мои подарочки неблагодарному Штегману! Ему и его сводному братцу Кельтману, да и всем охотникам гоняться за чужим золотом. Мерзкие прилипалы! Вцепились в загривок, ждали удобного часа задарма урвать себе приличный куш! Вот теперь у них развязаны руки, есть время и возможность шарить по дну... Океан велик, и сокровищ в нем невероятно много. Удивлен? – Отто подергал бровями, видя, что Карл занервничал. – Если даже ты удивлен, значит, сработано на славу!

Карие глаза сына действительно расширились, Карл приоткрыл было рот, но смолчал, опустил взгляд на пол, по которому катался туда – сюда упавший со стола простой карандаш. Губы тронула улыбка удивления, но никак не осуждающая за то, что вместе с врагами погибли и невинные пассажиры. И Отто понял, что этот сын не будет досаждать ему бесконечными укорами да попреками в жестокости и бессердечии.

– Клянусь всеми святыми – здорово придумано, отец! Никому и в голову не придет, что такое вообще возможно! – О семье англичан с девушкой Карл в эту минуту ликования даже не упомянул! Радость, что наконец-то избавились от бесцеремонных доглядчиков, затмила здравый рассудок: ему с малых лет внушали, что война есть война и без случайных жертв на войне не бывает... Тем более что «Виктория» везла на себе извечных врагов Германии – англосаксов!

– Теперь только бы избежать встречи с каким-нибудь судном! – высказал закономерную тревогу Отто и даже кулаки стиснул, отчего хрустнули суставы пальцев. – Наверняка капитаны

оповещены о гибели яхт и о наличии здесь плавающих мин... И вдруг – мы являемся, как Христос народу, живые и невредимые! Да к тому же идем курсом не в Мельбурн, а в обход Новой Зеландии. Известят береговую службу, устроят за нами настоящую охоту.

Карл крепко стиснул подбородок пальцами, сдвинул брови и сосредоточенно задумался, потом легкая улыбка озарила его лицо.

– Надо закрасить старое название яхты, и она из «Изабеллы» превратится в безымянную, каких в море ходит теперь не один десяток.

Я сам видел несколько яхт лишь с номерами на парусах или на корпусе.

– Отличная мысль, сынок! Гениальное всегда так просто! – с восторгом подхватил Отто и от нетерпения завопил на краю дивана. – Мы с тобой после ужина сменим Майкла и Роберта, а когда все уснут, займемся этой работой по перевоплощению грешников в праведников. Не страшно в такую качку? – Отто спросил с лукавой улыбкой, словно не знал своего старшего сына.

– Пустяки, – живо и с беспечной усмешкой махнул рукой Карл. – Покрепче привяжусь за страховую пояс. Волны становятся пологими, можно поработать за бортом... Руки чешутся по настоящему делу, скорее бы прийти на место и заняться... подводной охотой!

Под сердцем у Отто стало тепло. «С Карлом можно идти в бой, у него душа к телу прибита железными скобами, не уйдет в пятки! Вот Вальтер...» – и не стал дальше думать о младшем, снова в мыслях отодвинул его от себя подальше, чтобы не мешал планировать недалекое уже будущее. Потрепал Карла по плечу, словно благодарил за удачное предложение.

– Так и сделаем, сынок. Попроси у Майкла банку белой краски и немного зеленой. И пару кистей. А я вырежу трафарет нового названия. Кое-какие соображения и у меня вдруг появились, – засмеялся Отто, видя, что сын приоткрыл рот.

– Даже так? – засмеялся Карл с небывалой за последние дни легкостью на сердце. – Ну, тогда Кельтману вовек нас не отыскать в мировом океане! И как мы назовем нашу яхту?

– Дадим ей легендарное имя – «Хепру», – после некоторого размышления решил Отто, довольный своей выдумкой, он даже прищелкнул пальцем. – Вот именно – «Хепру». – Увидел, что сын крайне удивлен таким непонятным словом, которое для него ровным счетом ничего не значило, довольный, засмеялся. – На такой же эффект рассчитываю и я, если кто-то прочтет это название на борту нашей яхты... Так древние египтяне называли священного для них зеленого жука скарабея. В переводе это название значит «быть», «существовать». Если кто из начитанных в истории и встретится нам по пути, наверняка примет за путешествующих египтян. А у нас появится еще один священный талисман – жук скарабей! Годится моя выдумка? – И Отто заговорщически подмигнул старшему сыну.

– Годится, отец! Еще как годится! «Хепру» не хуже «Изабеллы», – вслед за Отто посмеялся Карл, и с лица сошла печать грусти, которая была у него до прихода в каюту родителя. – Пойду к себе, оденусь в рабочий костюм и попрошу у Майкла краски и кисти.

– Торопишься, – напомнил ему Отто, который не хотел, чтобы Карл вот так быстро оставил его одного, снова наедине с тяжкими размышлениями, со старшим сыном ему было легко и спокойно, знал, что всякое его решение непременно будет понято правильно, и в этом решении Карл не станет отыскивать уязвимые, с точки зрения моралистов, изъяны... – Ну ладно, иди. И присматривай за Вальтером, как бы он не преподнес нам какого-нибудь сюрприза!

Когда отужинали моряки, Отто, убедившись, что ветер дует ровно, паруса перекладывать нет необходимости, разрешил вахтенным у шкотов идти отдыхать, кроме рулевого Клауса, которого надо было понемногу приближать к себе, сначала разговорами, а потом и самым безотказным в мире приемом – на денежную наживку...

– Клаус, постарайся держать яхту ровнее. Мы с Карлом подкрасим борт, там появились в нескольких местах ржавые пятна.

– Зер гут, господин сенатор, я постараюсь, – по-немецки ответил Клаус и подергал рассеченной бровью, а про себя подумал с долей сарказма: «Яхта только-только вышла из дока! Будь весь корпус в соленой воде, и то не успел бы проржаветь... А тут верхняя часть борта, и уже ржавчина появилась. Ну-ну, нам с тобой, Клаус, какое дело, если господам захотелось потренироваться кистью и красками... Мы с тобой, Клаус, все это будем наматывать на усы и ждать счастливого случая, откуда бы он ни пришел, от господина сенатора или от мельбурнской полиции, важно иметь козырные карты на руках, а умно сходить – всегда сумеем...» – Только пусть молодой господин будет осторожнее, – громко добавил рулевой. – Как бы озорная русалка не уцепилась за ногу! Ей скучно бывает в море без настоящего мужчины! Ха-ха!

– Я подстрахую его, – с таким же настроением ответил Отто и посмотрел в сторону кают, ожидая Карла. – А русалочкам хватит тех добрых молодцев, которые уже бродят по дну морскому. Мои сыновья пока не собираются оставлять родного отца, да и я не тороплюсь распрощаться с белым светом, жизнь не такая уж плохая штука! – И перешел на деловой тон. – К утру море совсем успокоится. Не надоело еще бултыхаться в море, не пора ли подыскать себе более спокойную гавань... себе и всему семейству?

– А куда деваться, господин сенатор, куда деваться? Можно вот так и всю жизнь проплавать в океане, в ожидании удачи. А она, капризная, в это время кому-нибудь другому отдаст свое предпочтение!

Отто понял, что смысленный моряк сам направляет разговор в русло, где слова начинают приобретать совершенно иной смысл.

– Ты прав, Клаус. Удача, как и судьба, не всегда бегает по одной дорожке, подобно спортсменам на стадионе... Хорошо, если сойдутся вместе, как меридианы на полюсах, а если нет – хоть тресни от досады и от зависти к другим. Но я думаю, что тебе на этот раз крупно повезет... У меня такое предчувствие, что повезет нам всем.

«Это я уже слышал от боцмана, – усмехнулся мысленно про себя Клаус, но его глаза, преданно и выжидательно смотревшие на сенатора, были совершенно серьезными и спокойными. И не заискивали в ожидании увидеть немедленно уже упавшее с неба счастье. – Значит, Дункель успел заранее подготовить боцмана к такому разговору с командой! Но зачем все это нужно сенатору? С какой целью он старается всех нас задобрить? На бескорыстного филантропа он не очень-то похож! Своих рабочих на заводе и в рудниках так же, наверное, гоняет до седьмого пота! О-о, неужели что-то противозаконное намерен сотворить и хочет, чтобы ему в этом содействовали? Или, в крайнем случае, потом промолчали и не выдали полиции? Интересненькое дельце наклеивается... И во сколько он нас оценивает? Если сойдемся в приличной цене, можно и рискнуть раз в жизни, чтобы потом не терпеть эту ужасную нищету...»

– Хорошо бы, господин сенатор, чтобы повезло всем... Никто не остался бы в обиде, – согласился Клаус, плавно поворачивая штурвал, чтобы яхта не рыскала на волне. – Сами знаете, достаточно одного человека в команде, кого обойдет судьба, как тут же на небесах начинают сгущаться черные тучи...

Отто улыбнулся – он без труда прочитал скрытые мысли рулевого, не стал его разубеждать в том, что никого не обидит – если одно и то же твердить без конца, можно вызвать противоположный эффект.

«Время для окончательного разговора еще не наступило, – подумал Отто, перевел взгляд на горизонт впереди яхты, – мы еще не у цели, а потому покуда помолчим о всяких конкретностях...»

Карл с двумя кистями и двумя баночками краски задержался в коридорчике пассажирских кают в ожидании, когда команда уйдет с палубы в кубрик на отдых. Механик Степан Чагрин в одиночестве дольше всех стоял у гакаборта, курил, с непонятной отчаянностью делая глубокие затяжки, и смотрел на темное вечернее море, которое, куда ни кинь взглядом, дыбилося волнами. Даже вечные спутники мореплавателей – альбатросы здесь, в открытом море,

куда-то пропали, не носились над парусами с пронзительными криками. «Можно подумать, их что-то отпугивает от нашей яхты, – с тоской подумал Степан, жалея, что без птиц море становится каким-то мертвым. – Сюда бы наших звонкоголосых перепелов да весенних жаворонков... Не-ет, это не наша земля, не наш мир и птицы здесь на наших ничем не похожи... Хоть бы на денек попасть в родные края, пройтись по памятным местам, торкнуться бы рукой в родную дверь... Жив ли кто еще за этой дверью, ждут ли?» – Степан бросил окуроч по ветру, вздохнул, сожалея о несбыточных мечтах, и ушел вниз, в чужой кубрик, к чужим людям, каждый из которых живет, как морской краб, в своей собственной ракушке, никого в нее не пуская и сам не стремясь проникнуть в чужой дом и в чужие мысли... «Какие мы ни на есть необразованные и темные, но мы привыкли жить на виду у всего села, каждый знает о твоей радости и о твоей беде, а эти люди только и ждут несчастной для тебя минуты, чтобы выхватить у тебя из-под носа твой кусок...»

– Медведь сибирский, – проворчал Отто, как будто он и в самом деле когда-то видел таких вот сибирских медведей. – Слова из него не вытянешь! Все молчит, смотрит на небо, в башке черт его знает что копошится...

– Механик у нас и в самом деле с характером, – подхватил разговор Клаус и оскалил зубы в недоброй усмешке. – Один раз боцман хотел было по привычке обращаться с новичками, сунуть ему кулак под нос, да этот русский так ловко перехватил его руку, скрутил за спиной, что наш доблестный Майкл взвыл от боли. А Штефан только и сказал невозмутимым тоном: «Майкл, я давно вышел из возраста юнги! И успел вволю понюхать соленых линьков в гестаповских лагерях! Ты понял, с кем имеешь дело?»

– Неужто Майкл стерпел такое оскорбление? Невероятно! – Отто и в самом деле был крайне удивлен, что хитрый боцман не отомстил Русскому Медведю каким-то изощренным способом. – Я бы все равно придумал что-то интересненькое, чтобы проучить этого варвара.

– Штефан очень осторожен, господин сенатор, его вот так, на голый крючок, не поймать. А свои обязанности исполняет безукоризненно, не придерешься. Вон и молодой господин появился... – прервал разговор Клаус и глазами показал в сторону бака.

Отто махнул рукой Карлу, чтобы выходил на палубу.

– Клаус, мы за работу, а ты води яхту аккуратно.

– Яволь! – по-военному ответил рулевой и перевел взгляд на картушку компаса с мягкой подсветкой.

– Идем, Карл. Я захватил крепкий линь⁴, привяжешься к мачте, а я подстрахую тебя, чтобы удобно было спускаться за борт.

Затянув на себе потуже страховый пояс, Карл привязал линь к кольцу, прошел к борту на бак. Отто, закрепив другой конец линя к мачте, протянул его вокруг шпигеля, чтобы натяжение было не вдоль борта, а перпендикулярно к нему. К шпигелю же привязал канат с небольшой доской-скамейкой, какой обычно моряки пользуются при наружной покраске борта, спустил ее на уровень надписи «Изабелла». Потом помог Карлу усесться на эту подвесную скамеечку, протянул кисть, которую обмакнул в белую краску.

Карл, повиснув над темными волнами, уперся ногами и левой рукой в прохладный корпус яхты, отжался и начал работать. Дункель, то и дело подавая ему кисть после опускания ее в банку с краской, с невольным страхом следил за темно-изумрудными водными хребтами, которые прокатывались под яхтой, и когда «Изабелла» сходила вниз, вода достигала скамеечки, захлестывала ноги сына.

– Отец, обмакни кисточку еще в краску! – Карл протянул кисть вверх. Отто опустил ее в краску, вытер о край, чтобы не капала на палубу, подал сыну. И по привычке не забывал посматривать за горизонтом – они теперь находились, пожалуй, в той акватории моря, где про-

⁴ Линь (линек) – веревка для корабельных снастей.

легает трасса судов, идущих из порта Хобар в новозеландский порт Данидин, на Южном острове. И встретить кого бы то ни было ох как не хотелось!

– Отец, помоги переместиться левее, ближе к форштевню! Вот так. Теперь давай трафарет, нарисует нашего священного скарабея! Хотя мы и не особенно-то похожи на египтян, но будем надеяться, что этот жук нас не скушает! – и засмеялся, радуясь веселой шутке.

Примерно через час, окончив работу, Карл швырнул от себя трафарет, а Отто выкинул за борт пустую банку, которая, кувыркнувшись в воздухе, шлепнулась на гребень волны, мелькнула несколько раз и, не затонув, исчезла в темноте.

– Все! С крещением, отец! Теперь мы из верных рыцарей Изабеллы Баварской превратились в надежных лучников египетского фараона Рамсеса! Не знаю, правда, какой у него порядковый номер – первый или пятый Рамсес! Да это и не главное! Главное, что под нашими ногами палуба новой яхты – «Хепру». – Изрядно продрогнув, Карл между тем шутил, довольный проделанной работе, а еще больше тем, что именно он подсказал отцу эту мысль о крещении яхты в новое имя! С помощью отца он поднялся наверх, скинул пояс, начал усиленно махать руками, чтобы согреться. Отто поднял пояс, смотал ленту, убрал все в брезентовый мешок.

– Иди к себе, быстренько переоденься. И обязательно выпей рюмочку коньяка, чтобы не простыл! А я с Клаусом подежурю в рубке. Если кого-нибудь черти нанесут на нас, будем говорить, что приписаны к египетскому порту Александрии. Пусть ищут, кому она принадлежит, хотя не думаю, что это кого-то заинтересует. Ну, иди, не стой на ветру, сынок. Да обязательно выпей коньяку, скорее согреешься.

Карл, хлюпая мокрыми ботинками, ушел в каюту.

Окинув внимательным взглядом темное и оттого еще более жуткое бездонное море – нет ли где ходовых огней встречных судов? – Отто успокоился и прошел в рубку нести капитанскую вахту до полуночи.

2

– Прямо по курсу – шлюпка!

Резкий и как будто напуганный крик Роберта грянул над палубой подобно ружейному выстрелу среди благословенной тишины ночи... Отто и Фридрих одновременно вскочили с раскладных кресел, из-под надутого паруса посмотрели вперед – они только что позавтракали и присели подымерить сигарами. С часа на час уже надеялись увидеть первые скалы Оклендского архипелага... а дождались неизвестно кого!

Дункель поспешил к рубке, взял у Роберта бинокль и поднес к глазам: почти по курсу на волнах качалась шлюпка, три весла вдоль борта медленно поднимались и падали на воду, не придавая, пожалуй, шлюпке никакого поступательного движения вперед – пассажиры пытались идти на север, против ветра. По крику Роберта на палубу вышли пассажиры, и вся команда наперебой тянулась к запасному биноклю взглянуть на потерпевших бедствие, но Роберт, как истинно галантный мужчина, протянул его баронессе, при этом подсказал:

– Если нет видимости, надо покрутит средний винт, баронесса, навести фокус по вашим глазам.

– Благодарю вас, Роберт. – Марта приняла бинокль. – Я умею обращаться с этой штукой, приходилось. Правда, это были бинокли поменьше и полегче, а этот... – Она уверенно поднесла бинокль к глазам, чуть сдвинула окуляры, чтобы глаза смотрели по центру, навела нужную резкость. – О-о, да их там не два и не три человека! Кто стоит на ногах, а кто – вот хорошо видно, когда шлюпка на склоне волны! – лежит без движения! Бедненькие! Сейчас мы вам поможем, спасем этих несчастных погибальщиков!

Моряки засмеялись – такое необычное слово – погибальщики – употребила баронесса, вон как разволновалась за чужих ей людей, от нетерпения даже ближе к борту подошла...

«Черт побери! Клянусь священными водами Стикса! – это никак не входило в мои намерения – спасать всякий сброд среди пустого океана! – едва не сорвалось с языка у Отто. Он сдержал свои эмоции, стиснув при этом зубы до боли в челюстях, оглянулся на команду во главе с сияющим боцманом. – Дурачье, сами не понимаете, какую опасность несут с собой эти случайные встречи...»

Со шлюпки, похоже, давно заметили паруса яхты и только ждали, когда расстояние уменьшится настолько, чтобы и с яхты могли бы их увидеть и услышать. И когда между судами было не больше мили, со шлюпки донесся звук выстрела. Несколько человек вскочили на ноги, неистово размахивали белыми кусками материи, прикрепленной к веслам или к баграм...

– Это китобой! – догадался Майкл, через рубаху почесывая широченную и выпуклую грудь, а на его лице Отто явственно увидел не то радость, не то хорошо скрытую досаду за этой несколько натянутой улыбкой. – Если с винтовками – значит, китобой. Интересно, где же находится их основное судно? Что-то не видно на горизонте ни парусов, ни дыма из трубы... Наверно, далеко отошли, а теперь потерялись в море.

– Скорее всего минувшим штормом шлюпки разбросало в разные стороны... Капитан рыщет всюду, собирает своих охотничков, – догадался Карл, вспомнив, что совсем недавно их тоже изрядно покачало.

У Майкла была своя версия катастрофы:

– Если бы они оказались в полосе шторма на шлюпке – теперь не бултыхались бы на поверхности, а гуляли бы пеши по дну моря! Скорее всего, произошла неудачная встреча с самкой кита! Случалось слышать, что раненая самка идет на таран китобоя. И если команда замешкается, подставит борт – беды не миновать!.. Им чертовски повезло, что наткнулись на нас. Смотрите, господин сенатор, их без ветра уже на ногах качает, словно морские водоросли в полосе прибоя. Еще бы день-два, и конец охотникам за китовым жиром!

«Жаль, что это не случилось днем-двумя раньше нашей встречи! – подумал Отто, усиленно размышляя, что же теперь делать. – Боже, ну почему это произошло днем, а не темной ночью!»

– Надо с них взять обязательство, что по возвращении домой мы получим страховку и вознаграждение от фирмы, которая снарядила судно на промысел кита, – присоветовал Роберт, обращаясь к боцману, как будто тот был хозяином положения на яхте и от его решения зависело все. – Майкл, я это говорю тебе, не слышишь, что ли?

– Все будет так, как положено по закону, – отозвался боцман, продолжая наблюдать за шлюпкой и за потерпевшими катастрофу людьми. – Наш хозяин Кельтман своей выгоды и барыша не упустит, будь уверен. Только бы довести их до Мельбурна, а там... – и не договорил, Карл прервал его резким голосом:

– Ого! Их там прилично! Столько едоков прибавится, что нам не до прогулки по морю будет! Придется срочно возвращаться на Новую Зеландию, высаживать китобоев и пополнять запасы!

– Это решит господин сенатор! – резонно заметил Майкл. – Как он решит, так и будет. Клаус, а ты что молчишь?

– А что мне кричать, Майкл? У нас здесь не британский парламент и не дебаты по вопросам государственного бюджета!

Фридрих и Отто, а за ними и Карл засмеялись удачной шутке, но боцман был упрям.

– Ты как думаешь, кому повезло больше, нам или китобоям?

– А-а, ты об этом? Тут двойная выгода, Майкл. И нам – получим вознаграждение, и китобоям – не умрут голодной смертью. А вообще все это мне не очень по душе. У нас такое маленькое судно, а они с винтовками и чертовски злые за свою неудачу! А что, если им придет какая-нибудь дурная мысль в голову, а?

«Молодец, Клаус! Хоть один из них мыслит довольно трезво! – порадовался Отто. Слушая разговор за спиной, он напряженно всматривался в шлюпку и ее экипаж. В бинокль он, как и баронесса Марта, уже довольно хорошо разглядел, что там было девять человек – шестеро сидели за веслами, правда, теперь они уже не гребли, а ждали, когда яхта сама подойдет к ним, а трое стояли, размахивая баграми и запасными, наверное, веслами.

– Ну-у, фрегаттен-капитан, что делать будем? – негромко и с хорошо скрытым раздражением в голосе спросил Фридрих. По зло поджатым губам Дункеля он понял, что эту встречу в открытом море для них не назовешь счастливой случайностью. – Словно рок какой над нами – не удастся спокойно дойти до места... То Штегман с полицейским инспектором, то эти китобои...

– Ты еще спрашиваешь – что делать? Смотрите, у них винтовки! И вряд ли они дадут себя так запросто разоружить! – Эти слова Отто произнес довольно громко, для всех моряков, а Кугелю добавил еле слышно: – Едва на солнышке блеснет золото, они перестреляют нас, как кроликов! Будь сейчас ночь и не глазей эти олухи, я таранил бы шлюпку... Или обошел бы подальше, за милю, чтоб и выстрелов от них не было слышно... Господи, попали в положение, не лучше, чем фригийский царь Мидас⁵, который сам же выпросил себе бесценный дар у бога Диониса! Но царь Мидас смог-таки отмыться в водах Пактола, а мы как и в чем отмыться теперь будем? – И снова громко для экипажа: – Похоже, братцы, Клаус мыслит здраво, а потому будьте готовы и к возможным неприятностям! Черт знает, кто они, китобои, или замаскированные пираты! – В том, что им придется отмыться если не перед лицом грозного Бога, то, по крайней мере, перед командой, Отто не сомневался – брать на борт этих вооруженных

⁵ Фригийский царь Мидас выпросил у бога Диониса дар – все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. В том числе и пища. Чтобы не умереть голодной смертью, Мидас вынужден был очиститься от порока жадности в водах реки Пактола – небольшая речка в Малой Азии, приток реки Герм (*греч. миф.*).

китобоев он и в мыслях не допускал. «Не из благородного общества вербуют капитаны своих матросов! Или вчерашние уголовники, или бродяги, кому понятие о чести не преподавали в школах... если они вообще ее когда-нибудь посещали», – подумал Отто и повернулся, отыскивая взглядом боцмана.

– Майкл, поставь паруса по ветру! – приказал он. – Запустить двигатель. Надо подойти поближе к шлюпке.

– Будем брать на борт? – несколько обескураженно спросил Карл и шагнул к отцу поближе, как бы намереваясь отговорить его от такого опрометчивого поступка.

– Надо им помочь, Карл! Непременно надо! – послышался от кормы голос баронессы. Она стояла рядом с Вальтером, от которого Отто не слышал еще ни слова в связи с происшедшей встречей в море.

На вопросительный взгляд в его сторону, Вальтер неопределенно пожал плечами, как бы говоря, что это не его дело решать, как надо поступать сенатору в такой ситуации. «Молчит, а весь как на заведенных пружинках! – отметил про себя Отто, зная, как отреагирует младший сын, когда китобои снова окажутся за кормой яхты. – Ну и пусть злится! В конце концов я не могу вечно и во всем подстраиваться под его пацифистское настроение... Со мною не очень-то церемонятся! Жмут и бьют, где только могут!»

– Живо парус по ветру! Штефан, заводи двигатель! На шкотах, трави помалу!

Моряки, выполняя приказы боцмана, с веселым говором разбежались по местам, быстро ослабили шкоты, свернули парус вдоль мачты.

В машинном отделении заревел двигатель. Механик Степан высунулся из дверного проема почти по пояс и, сияя радостной улыбкой, крикнул:

– Готово! Переключать на гребной вал?

– Переключай! – распорядился Отто, со скрытым раздражением посмотрел на Русского Медведя. «Ишь, возликовал! Надеется обрести новых и надежных союзников! На всякий непредвиденный – а может быть, и предвиденный им уже? – оборот событий? – догадался Дункель, гораздо дольше, чем обычно, задержав взгляд на обожженном лице механика. – Неужели что-то заметил и догадывается? Радуйся, радуйся, безмозглый варвар! Посмотрим, как ты будешь улыбаться через каких-нибудь двадцать минут!» – В чем дело, Штефан? Не тяни время! – прикрикнул Отто. – Мы не в цирке около клетки с обезьянами!

Степан согнал с лица улыбку, удивленно дернул уголком рта, но оговариваться не стал, спустился вниз, включил коробку переключения вращения коленчатого вала на гребной вал. Вода за кормой яхты вспучилась, словно в огромном кипящем котле.

Китобои обнимались, кричали от радости, вели себя, как озорные мальчишки, не опасаясь перевернуть свое утлое суденышко. Уже погибающие, они принимали яхту за Ноев ковчег, на котором найдется место всякой живой твари... Через десять минут шлюпка была у левого борта – бородатые, русоволосые китобои приветливо улыбались, ожидая счастливой минуты, когда по веревочной лестнице смогут подняться на надежную палубу яхты со странным названием «Хепру». Один из китобоев, заметив разодетую баронессу, от удивления вскинул руку и что-то громко прокричал товарищам, по простоте своей не стесняясь указывать пальцем на женщину. И другие пассажиры шлюпки заметили странную, вернее, на диво красивую женщину на палубе, а один из них приподнял брезентовую матросскую шляпу и издали поклонился Марте, словно давно знакомой... Карл не вынес такого панибратства, прошел и встал рядом с Мартой, готовый – и показывая это чужакам – защищать честь женщины.

«Ишь, приметили очаровательный цветок! – тут же отметил про себя Отто. – Теперь готовы жужжать вокруг него, словно толстопузые шмели! Напрасно радуется, мужичье! Не для вас этот лакомый кусочек!» – Мысли его были грубы, но он не опасался, что баронесса сможет по лицу прочесть, что он думает в данную минуту.

– Майкл! Клаус! Вынесите из трюма два ящика галет и два анкерка с водой! – распорядился Отто и громко крикнул: – Команде по местам! Разобрать шкоты! Приготовиться поднять паруса! Нечего сбиваться в кучу, словно жеребцы перед волчьей стаей! Стоп машина!

Степан Чагрин выключил двигатель. Моряки, недоумевая, отчего сердится сенатор, отошли от леерного ограждения и встали по своим местам – кто у шкотовых лебедок, готовые выбирать слабинку и поймать парусом ветер, Роберт встал у штурвала, китаец, что-то ворча по-своему, ушел на камбуз – не их дело вмешиваться в распоряжения сенатора и боцмана.

Майкл и Клаус вытащили на палубу ящики и два анкерка по десять литров каждый, поставили у левого борта, ожидая дальнейших приказаний. Вальтер и Марта по-прежнему стояли на корме и через фальшборт с сожалением смотрели на изможденные лица китобоев. Особенно переживала баронесса – вот и довелось ей, не в романе, а воочию встретиться с потерпевшими кораблекрушение! Помимо воли ее глаза искали того самого, легендарного Волка Ларсена, такого же сильного, рыжеволосого, как и те, которые из шлюпки с таким восторгом смотрели на красивую женщину – она, вероятно, казалась им вообще неземным существом, неведомо как оказавшейся в открытом море. Карла рядом уже не было, он стоял у ходовой рубки, готовый помочь отцу и боцману, если это потребуется...

– Наверно, среди них есть нуждающиеся в медицинской помощи, и я готова помочь им, если...

– Боюсь я, баронесса, что отец на этот раз прав, – негромко прервал ее Вальтер, с озабоченностью посматривая на крепких и явно голодных без женского общества китобоев. – Поневолле вспомнишь несчастную женщину, попавшую в общество Волка Ларсена...

– О-о, – только и выговорила баронесса и невольно сделала несколько шагов от фальшборта к рубке. С ее глаз спала розовая пелена детской романтики, и теперь взгляды чужих мужчин не казались ей такими невинными. – Вальтер, вы полагаете, что они могут...

– По крайней мере, мы с Карлом что-нибудь предпримем...

Отто тем временем продолжал распоряжаться у ходовой рубки:

– Обвяжите концами и спустите галеты и воду в шлюпку! – приказал он Майклу. Сам перегнувшись через леерное ограждение, громко спросил на английском языке: – Кто вы и что с вами случилось?

На шлюпке переглянулись – не поняли. Отто чертыхнулся, прокричал по-немецки:

– Кто вы? Откуда вас сюда занесло? С какого китобоя, черт бы вас побрал вместе с капитаном!

Один из рыжеволосых стрелков, поставив винтовку между колен, на скверном немецком языке прокричал в ответ:

– Мы из Дании, герр капитан! Мы из Дании, ваши соседи!

– Где теперь ваше судно? Оно потеряло вас?

– Нет, герр капитан! У нас испортился двигатель. Китобой ветром и течением вынесло на рифы Окленда, там и разбило. Судно затонуло... Две шлюпки мы спустили на воду, но недавняя скверная погода разнесла нас в разные стороны. Пятые сутки носит нас ветром по океану. Мы так рады своему спасению... Видит бог, герр капитан, вам это зачтется на том свете, как благородное дело, обязательно зачтется, не будь я...

– На тот свет я пока не спешу! – не без злости прервал Отто говорливого датчанина. – У меня полно дел еще на земле, да и на воде тоже... Примите воду и галеты. Майкл, спускайте груз. Да осторожнее, у нас нет лишних припасов, чтобы топить их в этих волнах!

– Ка-ак?! Вы не возьмете нас с собой? – Светло-рыжие брови датчанина полезли на открытый широкий лоб. В желтых глазах отразился такой ужас, что Отто едва не выругался скверными словами. Датчанин хотел перекреститься, поднял руку и уронил под ноги зюйд-вестку, которую до этого держал в пальцах. – У нас нет сил... Неужели вы бросите нас на верную смерть? Вспомните о своих детях и матерях, герр капитан!

– Я иду в другую сторону и не могу вас взять! Не могу рисковать ни командой яхты, ни ее пассажирами. Запасы мои не беспредельны, путь длинный. Держите курс на север, море неделю будет спокойным, и вы выйдете на остров Стюарт. Если кто-то другой вас не подберет до этого. Майкл, что вы медлите? Спускайте!

Китобои, ничего не понявшие из разговора на чужом языке, с ликованием приняли ящики с галетами, потом анкерки. Тут же откупорили один и, разбрызгивая драгоценную воду, из дырочки начали пить. Рыжий датчанин подошел к куче своих товарищей, ловко вбил ладонью пробку в отверстие, что-то сказал им, взмахнув несколько раз рукой за спину, в сторону качающейся на волнах яхты. На шлюпке стало тихо, как в пустой могиле перед тем, когда будет опущен гроб и первые комья земли застучат по его крышке...

Дункель громко скомандовал механику:

– Штефан, самый полный вперед!

Степан, которому из машинного отсека ничего не было видно, решил, что китобои уже на яхте и с криком «Есть самый полный!» включил двигатель, постепенно увеличивая обороты до предельных.

Теперь на шлюпке закричали, и крик этот, словно бритва, резанул Вальтера по сердцу. Почти сознавая, что по-другому отец вряд ли мог поступить, он тем не менее надеялся, что как-то вопрос будет улажен иными способами, а вышло – откупились от греха водой и галетами... Будто пьяный, не видя дороги, он с кормы кинулся в каюту, провожаемый не менее удивленным взглядом баронессы.

– Господин Дункель! Разве мы не берем китобоев на борт? – Неожиданно, потрясенный решением сенатора, Роберт выглянул из рубки и закричал в сторону временного хозяина яхты: – Как же так? Ведь наш долг...

– Если у тебя перед ними какой-то долг – прыгай за борт! – Отто ответил так грубо, что на рулевого, похоже, напал минутный столбняк. – Решай, пока шлюпка еще под кормой!

Боцман за это время успел бросить конец линя от второго анкерка, наклонился над леерным ограждением и молча смотрел вслед удаляющейся шлюпке и на китобоев, которые как на старой серой фотографии замерли каждый в своей позе – кто сидя, кто стоя...

«Получив» неласковый ответ от сенатора Дункеля, Роберт как-то разом обмяк, гладко выбритое лицо покрылось желтизной, плечи опустились. С виноватой улыбкой оглянувшись на баронессу, которая все так же в одиночестве стояла на корме и смотрела в сторону шлюпки, не до конца осознав, какая трагедия разыгралась у нее на глазах, Роберт тихо закрыл дверь, не замечая, что у штурвала для подстраховки уже встал Карл: если бы рулевой вздумал не выполнить приказ сенатора, он тут же вылетел бы из рубки и больше никогда не встал бы на вахту. По крайней мере, вплоть до возвращения в Мельбурн...

– Что мне делать... за кормой, а? – Рулевой, разговаривая сам с собой, вздернул плечами, по привычке не упуская из вида стрелку компаса – красным концом она показывала строго на зюйд. – Что мне там делать? Надо же, получил словесную зуботычину... Словесную, а досадно и больно... Пусть он сам и отвечает перед Богом!

– Ты прав, Роберт, – негромко поддакнул Карл, разжимая тугие кулаки и радуясь в душе, что не пришлось доводить дело до драки и тем самым настраивать команду против пассажиров. – Каждому тащить свою ношу и по своей должности. На отца не сердись, он непременно объяснит после суматохи причину такого решения.

– Да-да, господин Дункель, вы правы... Господин сенатор здесь хозяин, и ему нет необходимости объяснять свои поступки. Кому объяснять? Какому-то рулевому, без роду без племени... – Роберт говорил, но голову к Карлу не повернул, боясь показать глаза, полные обиды и ожесточения – впервые за много лет плавания на «Изабелле» с ним так скверно обошлись! Разные были туристы, и капризные и трусливые, но чтобы кричать моряку – прыгай за борт! – и в голову никому из них не приходило!

Отчитав рулевого, Дункель обернулся в сторону кормы – баронесса стиснула руки и широко раскрытыми глазами смотрела не на удаляющуюся шлюпку, где неслышно из-за работающего двигателя кричали моряки, взывая к Богу или призывая Сатану для возмездия, она смотрела на него, как на нечто впервые увиденное...

За кормой вдруг прогремел выстрел, с головы сенатора слетела пробитая пулей шляпа. Марта взвизгнула, решив, что сейчас он рухнет на палубу, обливаясь кровью; ахнул Фридрих, не успев еще сделать и шага к своему другу, но Отто опомнился первым.

– Ну-у, черти! – непроизвольно выкрикнул он, даже не испугавшись как следует, и по-военному ловко упал на палубу. Рядом с ним огромной и толстой медузой распластался Фридрих, выхватив из внутреннего кармана пистолет, Карл от рубки бросился к баронессе и услышал предостерегающий возглас отца:

– Берегитесь! Они снова целятся в нас! Всем лечь на палубу! – И тут же решился на какой-то маневр. – Лево руля!

Роберт послушно положил яхту в крутую циркуляцию, но не успела яхта пройти и четверти круга, как вторая пуля ударила в мачту почти над головой вахтенного японца, с чисто человеческой отчаянностью взвизгнула от досады на промах и, от ricochetив, улетела в открытое море.

– Марта! Быстро ложитесь на палубу! Прошу вас! Карл... – закричал было Отто, но увидел, что сын уже спешит к баронессе на выручку, успокоился. Марте же казалось, что она смотрит кинофильм, а не является свидетельницей жуткой сцены из собственной жизни. Карл успел до следующего выстрела подбежать к Марте и едва не силой уложил ее на палубу за гакабортом, рукой настойчиво придавив голову баронессы вниз.

– Лежите, ради бога, лежите, баронесса! Они еще будут стрелять, а пуля не выбирает, хороший перед ней человек или тварь поганая... – Он уловил в глазах женщины испуг, смешанный с недоумением, счел нужным пояснить: – Вот как они отблагодарили нас за воду и пищу! Словно сбесившиеся волки, стреляют в людей без разбора!

– Клянусь священными водами Стикса, я расколю вашу мерзкую посудину, как гнилую тыкву! – скрипел зубами обозленный до предела Дункель, доставая из заднего кармана пистолет. Перепуганные моряки вместе с боцманом попадали кто у мачты, кто у шкотовых лебедок, опасаясь поднять голову от выдраенных досок.

Фридрих, удерживая фрегаттен-капитана за локоть, предостерег по-немецки, чтобы команда не поняла, разумеется, кроме Клауса, который лежал у носового люка в такелажную:

– Отто, оставь их морскому дьяволу! Иначе эти китобои перестреляют нас! Ты же видишь, у них винтовки, они будут бить залпами по ходовой рубке и разнесут ее в щепки, попортят приборы!

Дункель с полминуты тяжело дышал – не привык уступать поле боя с чувством понесенного поражения, да еще перед какими-то моряками китобоя, но в словах Кугеля было слишком много истины. «Ниче-го-о, – проскрипел он стиснутыми зубами, – вам не миновать акулиных зубастых пастей! Поперхнетесь вы моими галетами!» Он поднял голову и крикнул Роберту:

– На румб сто восемьдесят градусов!

Послушно повторив приказ, Роберт закрутил штурвал в обратную сторону, и яхта, слегка наклонившись на левый борт, под двигателем быстро пошла на юг. Вдогон загрели торопливые выстрелы – в гроте появились три крохотные дырочки. Шлюпка, поднимаясь и опускаясь между волнами, стала отдаляться.

Прошло минут десять, и только тогда Дункель окончательно решил не связываться больше с китобоями.

– Поднять все паруса! Глуши мотор! – Он командовал спокойно, словно и не подвергался смертельной опасности. Фридрих подошел к баронессе, чтобы успокоить ее, а сам внимательно

наблюдал за поведением команды, тем более что Карл по знаку отца отошел ближе к баку. Боцман, негромко чертыхаясь, вскочил с палубы, повторил команды сенатора:

– Ставь паруса под правый бакштаг! Трави правые шкоты! Выбирай левые! Крепи шкоты!

Ветер дул с кормы и чуть справа, наполнил паруса, в том числе и большой выносной спинакер. Яхта с левым креном быстро пошла на юг, продолжая так негаданно прерванный бег к заветному месту, о котором пока что знал только один человек.

– Отлично, парни! – Боцман удовлетворенно покашлял в кулак. – Чжоу – на камбуз, готовь обед! Подвахтенным отдыхать! – Майкл, не дожидаясь указаний сенатора, решил хоть такими командами напомнить морякам, что именно ему, а не пассажирам, они обязаны беспрекословно повиноваться. «Такого еще в моей морской службе не было, – в который раз мотнул больной головой изрядно взволнованный Майкл. – Святой и нерушимый долг каждого моряка – спасти потерпевших крушение! Никто не застрахован от подобного несчастья, в том числе и этот немецкий сенатор...»

Карл оставил баронессу наедине с Кугелем сидеть в кресле, подошел к отцу. И его грызли сомнения попеременно с угрызениями совести, что пришлось бросить среди моря обреченных людей, хотя он отлично понимал главный мотив в поведении отца. Теперь надо, чтобы и вся команда узнала эту причину, которая лежит на виду у всех, а не та, подспудная, главная...

– Отец, а почему мы оставили китобоев? Я так и не понял, что за причина? – Карл спросил и краем глаза увидел, что команда тут же наострила слух, приблизилась к ним.

– Да потому, что на яхте женщина! Черт побери, Майкл! Неужели вы не понимаете? – И Дункель повернулся к нахмуренному боцману, который был несомненно подавлен поступком сенатора. – Вы что, не видели, кого готовы были принять на борт? Эти мужланы наверняка целый год болтались у берегов Антарктиды, озверели в полном смысле слова! Кто-нибудь из них не сдержал бы плотской страсти, посягнул бы на честь баронессы! Я видел уже эти рысьи огоньки в глазах китобоев, едва только госпожа Бутанис попала им в поле зрения! Видел и кривые усмешки, молчаливые намеки на скорую потеху... Неужели вы думаете, что мы не вступились бы за нее? Представьте, какое побоище здесь учинилось бы. У них пять винтовок, огромные ножи. Резня была бы пострашнее, чем в древние времена на Флегрейских полях, где греческие боги дрались с гигантами. Я не могу рисковать жизнью своих детей, всего экипажа. Совесть наша перед Господом чиста, мы дали им воду и галеты, до Новой Зеландии им этого вполне хватит. Все остальное – в их собственных руках, пусть поработают веслами хорошенько.

– Если так прикинуть, то ты прав, отец! – Лицо Карла прояснилось. И боцман перекрестился, складки у рта разгладились, глаза повеселели. Он шумно вздохнул, повернулся к морякам и сделал им знак большим правым пальцем – все, дескать, о, кей!

– Выходит, что по здравому смыслу вы поступили, господин сенатор. Видит бог, по здравому смыслу, – повторил Майкл, окончательно отогнав от себя нехорошие мысли, которые пришли было в голову по отношению к сенатору Дункеля. – Прогулочная яхта – не океанский пароход, где команда в сто человек... Хотя и такие пассажирские пароходы не застрахованы от пиратских налетов и ограбления.

– Твоя правда, Майкл! Думаю, что и моряки тоже поймут меня правильно. Кто знает, сколько дней или часов прожили бы мы дружно с теми китобоями... Карл, спустись в каюту. Мне кажется, что Вальтер принял все случившееся слишком болезненно. Поговори с ним. – А сам подумал с отчаянием в душе. – «Только бы мне сохранить сына и вернуться с ним домой благополучно! Отправлю на лучшие курорты мира, пусть подлечит нервишки, иначе ему не выжить в этом крошечном аду с его постоянными политическими, финансовыми и бытовыми катаклизмами... А невесту мы ему найдем со временем, достойную невесту, не какую-то нищую индианку...»

– Хорошо отец, я сейчас спущусь к брату. – И Карл с безмятежной улыбкой пошел к трапу.

Отто осмотрелся, нашел взглядом Фридриха, сделал ему знак быть на баке и следить за поведением команды, а сам прошел на корму, опустился на свободное складное кресло, взял баронессу за руку. Марта непроизвольно вздрогнула, словно не видела, кто с ней рядом, подняла голову – на лице все еще оставался отпечаток пережитого испуга и недоумения: что же случилось? Почему китобоев не взяли на яхту и тем обрекли на гибель? И почему моряки на шлюпке начали в них стрелять? Слова объяснения, только что сказанные Дункелем морякам команды, похоже, до ее сознания пока что не дошли...

Отто решил говорить не от себя, а от героев Джека Лондона, о которых Марта так превосходно начитана:

– Милая моя Пандора. Вы помните, что произошло с очаровательной Мод Брустер? – Отто еще раз продемонстрировал незаурядную память. – Волк Ларсен принял ее со шлюпки и тем вроде бы спас ее, совершив благородный поступок... Но он спас ее от голодной смерти в океане с тем, чтобы подвергнуть еще более страшному испытанию!

Ее счастье, что обезумевший капитан «Призрака» в ту минуту потерял силы по причине рака мозга! Но кто поручится за этих девятих одичавших моряков? У меня волосы встают дыбом, едва только представляю себе, что они могли с вами сделать... Мы вчетвером легли бы перед вами намертво, защищая вашу честь, но как повела бы себя команда? Для них мы случайные пассажиры, только и всего...

– Благодарю тебя, Отто. Ты прав... Наверное, так и надо было поступить. Но я так напугалась за тебя и за себя. Ведь в меня еще ни разу не стреляли, а тут...

– Теперь этот кошмар позади, милая Марта. Спустись в каюту, отдохни. Я думаю, теперь ничего подобного уже не случится, и скоро мы прибудем к сказочным пещерам Али-Бабы...

* * *

Карл медленно открыл дверь каюты – брат сидел с книгой, но читал или только делал вид, понять было трудно: лицо без кровинки на всегда румяных щеках, глаза отрешенные, словно их тронуло ледяное дыхание Таната⁶. На маленькой тумбочке в рамке стояла хорошо памятная фотография – в феврале сорок третьего года отец приезжал в Берлин получать из рук фюрера крест за успешные атаки союзнических конвоев, а заодно повидаться с семьей. Тогда они и сфотографировались вместе, в последний раз. Слева на фото была мама, рядом с ней семилетний Вальтер, потом Карл, крайним справа сидел отец. Фото матери отрезали, чтобы поместить на памятник – другой почему-то не попалось тогда под руку – и теперь на фотографии над головой Вальтера заметен локон материнской прически...

– Вальтер, ты опять за книжкой? – Карл не знал, как подступить с разговором к брату, который отдаляется от них с каждым днем, словно упавший в воду айсберг от родного берега, гонимый ветрами и океанскими течениями, и где-то в жаркой дали истает совсем...

– Да, брат... И тут и там – везде одни и те же низменные человеческие страстишки... И кровь, если только отдаленно блеснет проклятое золото. – Вальтер смотрел в угол каюты, как будто там уже возникло колдовское свечение губительного для людей металла.

– По-моему, отец поступил разумно. Действительно, из-за баронессы Марты у нас с китобоями могла произойти драка. Их числом больше, да и винтовки...

– Да, отец прав... из-за баронессы, хотя эти винтовки можно было у китобоев забрать, принимая по одному на борт. И они не посмели бы даже криво глянуть на Марту. Не странно ли, что отец не догадался до такой простой истины?

⁶ Танат – бог смерти (греч. миф.).

Карл даже рот открыл, пораженный логичными размышлениями брата. «А ведь он тысячу раз прав, наш меланхоличный Вальтер, могли бы отобрать винтовки – и никаких угроз тогда...»

– Ты продолжаешь думать, Карл, что отец обрек китобоев на смерть только из-за Марты? А не из-за будущих сокровищ! – Вальтер перевел грустный взгляд на фотографию, повернул ее к себе и вздохнул. – Какие мы здесь маленькие и... какие святые. Карл, а тебе не приходила в голову мысль убить меня? Никогда не приходила, скажи честно?

Карл готов был разразиться возмущением – что за разговор затевает Вальтер? – но брат поднял на него глаза – глаза сына Божьего, распятого на кресте в ожидании мучительного конца! – беззвучно сел рядом, обнял его за плечи.

– Ты что это говоришь, брат? Зачем обижаешь? Может, и вправду я бываю иной раз грубоват, но я люблю тебя, поверь. Ведь мы одной крови, нас родила одна мама!

– Кровь не всегда преграда для убийцы, – с горячностью возразил Вальтер и выставил перед собой ладонь, как бы запрещаая Карлу перебивать ход и без того путанной мысли. – Вспомни, разве не убивали наследные принцы друг друга, лишь бы самому взойти на трон? Разве не в дикой алчности, в погоне за властью Ромул убил своего младшего брата? Убил лишь за то, что Рем переступил черту на земле, которой старший брат обозначил свои владения... Ты помнишь, что он крикнул в лицо умирающего брата? «Так будет с каждым, кто осмелится переступить стены моего города!» И у нас с тобой одно наследство после отца... и ты старший из нас двоих...

– Ну так что же? Отец оставит его нам... – Карл недоумевал, всматривался в глаза Вальтера, стараясь понять, почему тот завел такой глупый разговор о дележе, о братоубийстве...

– А если я возьму свою долю и выйду из общего производства? Как поступишь ты тогда?

– Ты что? Зачем? – Карл ни в голосе, ни во взгляде не смог скрыть явного испуга. – Ты не сделаешь этого, брат! Тогда нашему заводу не устоять! Янки приберут все в загребушие лапы!

Вальтер опустил глаза, вздохнул, как будто и не ожидал иного ответа, левой рукой потянул и ослабил галстук на шее, будто он душил его и не давал возможности жить...

– Вот видишь, какова судьба младшего в семье сына? Любить он не имеет права, на наследство не имеет права... Отец восхищается бессмертным Гераклом, а ведь Геракл убил троих своих сынов от первой жены Мегары. Понятно, что богиня Гера из ненависти наслала на него безумие... Но мой отец не в состоянии безумия, а по трезвому расчету тоже убил если не нас обоих, то меня одного... Я чувствую, что жить мне осталось не дольше, чем осенней мухе... Помолчи, брат, не спорь! – Вальтер вторично сделал протестующий жест рукой, видя, что побледневший Карл пытается что-то возразить. – Ты обо всем этом узнаешь и очень скоро. Узнаешь, поймешь и, быть может, простишь меня за все. В том числе и за этот неприятный для тебя разговор... Отцу я больше не верю! И Богу не верю, если Он позволил такому свершиться! Не верю! Если Он и вправду всемогущ, почему же на земле властвует Сатана? – Лицо Вальтера исказилось такой гримасой ужаса, словно это было лицо израненного и упавшего на песок арены гладиатора при виде над собой львиной пасти с окровавленными клыками...

Карл положил вздрагивающую ладонь на руку брата и поразился, какая она холодная, словно Вальтера только что вытащили из ледяной купели где-то в центре самой Антарктики.

– Ну убей меня Бог на этом месте, если я хоть что-то понимаю из твоих рассуждений! – воскликнул Карл, ударив кулаком по левой ладони и яростно припечатав там его на несколько секунд. – В чем ты все время обвиняешь отца? Мне кажется, ты очень преувеличиваешь степень советской печали, есть такая категория людей, которые любят ковырять собственные болячки... Ну разлучили тебя с Амритой на два-три месяца, велика ли беда? Наш отец по полгода бывал в отлучке, и мать не сходила с ума, хотя и молилась каждый вечер, чтобы Господь сохранил ему жизнь. Молись и ты, может, легче будет на душе. А когда возвратишься домой, все устроится к лучшему. Вот увидишь, поженитесь вы с Амритой и будете счастливы.

Ведь отец пообещал тебе это, не так ли? И я со своей стороны буду просить, а если надо, то и настаивать на этом. Только не выходи из общей доли, иначе нам завода и рудников не удержать!

Вальтер медленно поднял глаза. У Карла снова волосы зашевелились на затылке – живой человек такими глазами не смотрит!

– Не надо мне теперь никакого наследства, брат. Скажи только честно: ты и вправду ничего не знаешь? Про то, что сделал со мною отец? Поклянись памятью мамы, что ты не заодно с отцом?

– В чем – не заодно? – Карл почувствовал, что у него на щеках словно ледяная корочка образовалась. – Ну-у, мы иногда бываем единомышленниками в вопросах политики, но что сейчас имеешь в виду ты – не возьму в толк. Объяснись, ради всех святых.

– Спасибо, брат, хоть в этом мне повезло. – Вальтер натянуто улыбнулся, в очередной раз продолжительно вздохнул, будто это давалось ему с трудом, похлопал Карла по руке, и в этом дружеском жесте выразилось что-то такое важное, что у Карла сердце сжалось от тоски и жалости. «Проклятая война! – с раздражением подумал он, искренне жалея младшего брата. – Что она сделала с ним! Сколько ребятишек в Берлине, в других городах пережили ужасы бомбардировок, артобстрелов, голода, сколько смертей пришлось им увидеть и пережить! Хотя бы и смерть мамы. И вот результат – сломался ребенок!»

В каюте над дверью мелодично тренькнул звонок – сигнал из камбуза, что обед готов. Карл обрадовался возможности прервать мучительный разговор: право, сверх всякой меры блажит Вальтер, нагромождает в своем воображении неодолимые препятствия на пути к своей Амрите, а потом мысленно преодолевает эти завалы...

«Обязательно поговорю еще раз с отцом. Пусть он сам вторично пообещает не препятствовать браку с индианкой и тем успокоит Вальтера. А то он и в самом деле может рехнуться от переживаний. Надо же, прикидывает вариант выхода из общего имущества! Да янки меня вмиг проглотят и даже не поперхнутся!»

– Хватит хандрить, братишка! Бросай своего «Лженерона» и идем обедать! – Карл поднялся. Отгоняя тревожные мысли, принял беспечный вид, глаза его не выказывали больше никакого беспокойства, словно с этим сигналом из камбуза исчезли всякие проблемы и неурядицы. – И не старайся подражать глупой кукушке, которая прилетает по весне и улетает осенью в полном одиночестве. Зеленая тоска может съесть всю душу. Баронесса Марта несколько раз о тебе справлялась... Идем, отведаем китайской кухни. Что там нам приготовил сегодня любезный посланец Поднебесного царства?!

– Ты иди, а я приду чуть попозже... – Вальтер повернулся лицом к иллюминатору. – Надо же, солнце опять появилось! Как слепит глаза! Миллионы лет светило и еще пройдет миллионы лет... От нас и молекул не останется, наверное, наша планета может погибнуть в какой-нибудь термоядерной катастрофе, а солнце будет жить. Здесьним людям или каким-то иным существам на других планетах, а будет светить все так же тепло и ласково...

Карл попытался сдержать при себе законное недоумение – нашел чему удивляться – солнышку! – еще раз напомнил про обед и пошел из каюты, но у ходовой рубки наткнулся на отца и боцмана. У них, похоже, недавно состоялся свой, не менее напряженный разговор...

Как только баронесса ушла в каюту, Отто Дункель подозвал к себе боцмана:

– Майкл, подойди на минутку, надо кое-что утрясти нам с тобой на будущее, – сказал так неопределенно, чтобы рулевой не наострил свои уши.

Майкл оставил рубку, где у штурвала заступил на вахту Клаус, подошел к хозяину яхты. А в том, что сенатор Дункель стал полновластным хозяином, он уже не сомневался – опуская анкерок в злополучную шлюпку китобоев, он наклонился над фальшбортом и заметил вместо привычной надписи «Изабелла» новое название из незнакомого слова «Хепру». И теперь Майкл был абсолютно уверен, что сенатор по какой-то причине не собирается возвращаться в Мельбурн, конечно, если не восстановит старого названия яхты. Потому так крепко и запеча-

лился, размышляя над вопросом – что ждет команду, которая невольно оказалась неизвестно в каком положении? По-прежнему ли как экипаж яхты, или как обреченные на возможную смерть временные заложники?

Майкл подошел, заставляя себя улыбаться, запустив пальцы в густые бакенбарды и по привычке почесав правую скулу, что у него всегда было признаком глубокого раздумья. Потом чуть наклонился к сенатору, готовый выслушать все, что ему прикажут. Отто Дункель действительно потянул боцмана за рукав, усадил около себя на свободный стульчик – легкая конструкция едва не хрупнула под могучим телом моряка, и чтобы не сломать вещь, боцман вынужден был часть собственного веса перенести на полусогнутые ноги.

– Ты, я вижу, по-прежнему в сомнениях, Майкл? – спросил сенатор бесстрастным голосом, который так поразил боцмана – оставили людей на гибель в океане, а сенатор о делах земных разговор ведет так преспокойно! – Напрасно. Подумай хорошенько, могли бы мы спать спокойно, достав со дна моря клад и имея у себя за спиной девять вооруженных винтовками и ножами нищих китобоев? Мне что-то не особенно в это верится! Китобои остались без гроша в кармане, сезон для них окончился более чем неудачно, даже жалование не с кого потребовать! А тут – нате вам! Сокровища отыскались! За ножи, братья, и в бой за добычей!

Майкл не выдержал пристального взгляда сенатора, смутился и опустил взгляд на просмоленные доски палубы. «Дьявол его побери! – ругнулся про себя Майкл. – Он опять говорит про клад! Но чтобы его найти в океане, надо быть таким же упрямым и удачливым, как мореход Колумб, который искал свою Индию! У сенатора же, как мне кажется, слишком много самонадеянности...»

– Вижу, Майкл, что магнитная стрелка твоей души мечется, словно попала в магнитную бурю и не может никак определить, где север, а где юг. Отсюда и все твои сомнения. – Отто настойчиво смотрел в лицо боцмана, пытаясь проникнуть в его сумбурные мысли. – Вот и я засомневался. Наших пистолетов было ба маловато в такой драке над сокровищами. А этот сброд скандинавов и вас перестрелял бы, как лишних свидетелей... Мне искренне жаль, что я так грубо накричал на Роберта. Скажи ему, что я об этом весьма сожалею... Итак, мы продолжаем путь к намеченному месту, а морякам говори, что я побоялся взять чужих людей из-за баронессы. Им про сокровища пока говорить ничего не надо. Договорились?

Душа Майкла, словно пустая бутылка, брошенная в штормовом океане, все эти дни то взлетала вверх на волнах надежды, то снова проваливалась во тьму жуткой глубины. И вот в очередной раз взлет к сияющему солнцу надежды на богатство... Боцман с облегчением перекрестился – слова сенатора убедили его. А может, сам того не сознавая, он еще раз хотел получить подобное утешительное объяснение и, дождавшись таковое, охотно поверил тому, во что так хотелось верить. «В противном случае с нами может быть...» – дальше и думать почему-то не хотелось.

– Хорошо, господин сенатор, я постараюсь успокоить Роберта. Он, правда, человек настроения, но отходчив и не злобив. – С лица Майкла сошли последние тени недавних переживаний. Он снова решил пуститься на волю случая и... сенатора, который, по всему видно, парень не промах и если о чем-то надумал, то обязательно добьется. А с ним и у Майкла появляется надежда на счастливое окончание такого нежданного плавания, далеко не каждый турист, который фрахтует яхту, отправляется на ней в поиски сокровищ!

– А как остальные моряки? И особенно русский механик? Согласятся ли за приличное вознаграждение пойти со мной на поиск клада? – Отто решил выяснить все возможные противодействия невидимого пока противника, потому как та шахматная партия, которую он намеревался выиграть, имела слишком заманчивый призовой фонд.

Майкл оглянулся на разговор за спиной – из камбуза поднялись Степан Чагрин, Роберт, негр Джим. Они встали у правого борта, закурили, о чем-то негромко переговариваясь. Механик то и дело указывал рукой в северную сторону. «Не иначе как о брошенных китобоях

толкуют! – с раздражением подумал Отто, но вмешиваться в их беседу не имел никакого желания. – Еще почувствуют, что я начал нервничать, и сами насторожатся, примут предостерегающие меры...» – И не додумал этой опасной для себя мысли – Майкл прервал ее.

– Я с каждым уже говорил на эту тему. Правда, пока в общих чертах. На предмет того, не будут ли они возражать, если наше плавание несколько затянется и поплывем мы не к привычным теплым островам...

– Ну и как они отреагировали? – живо полюбопытствовал Отто, искоса продолжая наблюдать за моряками у борта.

– Роберт сказал, что Кельтман особо не оговаривал срока плавания с нами, то есть, с экипажем, а только с вами, когда заключал договор. И не их дело, куда и на сколько дней зафрахтована яхта. Он, как будущий жених знатной дамы, – Майкл не сдержал скептической улыбки при этих словах, – готов весь год с вами путешествовать, лишь бы получить немного денег и поступить в морской колледж учиться на судоводителя.

– Обещай ему не меньше тысячи фунтов! И пусть учится на капитана. Выучится – сможет посвататься хоть и к генерал-губернаторской племяннице! А как ведет себя Русский Медведь? И прочая черно-желтая братия?

Боцман счел возможным при этой шутке сенатора улыбнуться, большим пальцем правой руки показал, что и здесь все о'кей!

– Штефан как-то проговорился, что мечтает поднакопить денег и съездить в Россию повидаться с родителями, если они еще живы. Желтолицые братья спят и видят себя хозяевами лавочек со всяким мелким барахлом. Негр Джим – этот вообще без сомнений в душе, живет одним днем и делает все, что я прикажу. Ну а про Клауса вы, наверное, и сами знаете – у него звездная мечта – открыть собственную боксерскую школу и брать деньги за обучение жестокому мужскому искусству бить по морде... Но и для этого нужны немалые денежки.

Отто Дункель неторопливо поднялся, посмотрел на волны. Бескрайними изогнутыми валами они равнодушно катились с запада, вскидывали легкую яхту себе на спину и, шутя, будто сытый кот с мышонком играючи, сбрасывали к подножию следующей волны.

С облегчением выпрямив затекшие полусогнутые ноги, рядом встал боцман, понимая, что в эту минуту сенатор решает что-то важное, а потому и не посмел заговорить первым.

– Скажи им, что как только яхта возвратится в Новую Зеландию, у них будет все, о чем мечтается. Я не факир, конечно, и не арабский джинн из тысячелетней лампы Аладдина, но смогу сдержать свое обещание и одарить в меру разумной необходимости, в знак благодарности за помощь в таком трудном деле. – Говоря это, Отто искренне полагал, что так оно и будет. – Ну, иди к морякам. Поговори еще раз с каждым в отдельности... Дались им эти чертовы китобои, – добавил чуть слышно Дункель, скорее для себя, чем для боцмана, который действительно не разобрал, что именно прошептал сенатор.

– Слушаюсь, хозяин. – Майкл поклонился, сверкнул глазами из-под густых бровей, пытаясь по выражению лица разгадать, можно ли тому верить, или припасти и для себя запасную, как у хитрой лисицы, лазейку? Но легче, похоже, было прочесть последние мысли на маске египетского фараона в пирамиде, чем у живого Дункеля, когда тот напускал на себя завесу непроницаемости. Майкл еще раз чуть приметно кивнул лохматой головой и поспешил в кубрик за моряками...

Карл дождался конца их беседы и подошел к отцу.

– Ишь, Горилла волосатая, – проворчал Отто и недовольно поджал губы, что было признаком подступающего раздражения. – Воображает себя великим знатоком человеческих душ! Ну ничего, только бы добраться до своего Клондайка и под заветной скалой отыскать наследство, завещанное дедом Генрихом...

Не успел он закончить фразу, как рулевой Клаус, приставив к глазам бинокль, через открытое лобовое стекло рубки неожиданно вытянул вперед руку и прокричал то самое завет-

ное слово, которое в подобных случаях вырывается у любого моряка после долгого и изнурительного плавания:

– Земля! Прямо по курсу вижу землю!

В одну минуту экипаж и пассажиры были на верхней палубе, как если бы именно они и были потерпевшими кораблекрушение и стояли одной ногой на краю гибели...

На горизонте, еле приметный за расстоянием, наконец-то из безбрежного океанского простора высунулся острый зубец горной вершины недалекого уже Оклендского архипелага.

* * *

Голова закружилась от тошнотворной слабости, и Вальтер с отвращением в душе отложил книгу – сцена мучительной смерти распятого на кресте горшечника Теренция – Лженерона потрясла его. Он сознавал, что за всякое преступление, в том числе и за присвоение себе чужого, тем более венценосного имени, надо платить, но такая ужасная казнь...

Крик рулевого достиг каюты, но Вальтер знал, что это не имеет уже никакого отношения к нему лично: все время, с той минуты, когда он от Вилли Тюрмахера узнал истинную правду об отцовском приказе Цандеру, он жил в таком состоянии; будто чья-то безжалостная – да не чья-то, а именно отцовская рука острым ножом рассекла ему сердце. Клочок казенной бумаги жег грудь, как жег тело Геракла ядовитой кровью натертый плащ, подарок любимой жены Деяниры... Вальтер непроизвольно тянулся рукой к левому карману пиджака, словно намеревался вынуть и выбросить в иллюминатор измятый листок со словами смертного приговора Амрите.

«Господи, что же мне теперь делать? Кому и как отомстить за жену и за себя?... И смогу ли я вообще отомстить? Поднять руку с ножом на отца? Стать таким же, как и они все? Как эти человеконенавистники цандеры, кугели, кельтманы и дункели... Не-ет, фашистом я не смогу стать, иначе там мне никогда не встретиться с моим ангелом, с Амритой...» – Вальтер откинулся спиной на диванную подушку, со стоном стиснул разгоряченную голову ладонями и замер на несколько минут. Потом поднялся, собираясь выйти из каюты на свежий воздух, но тут же вновь опустился – палуба уходила из-под ног, как уходила совсем еще недавно из-под Вальтера земля, когда он впервые осмелился обнять воздушно-легкую Амриту и кроме горячих губ девушки ничего больше не осознавал во всем огромном и прекрасном мире...

Он страдал не только от того, что кровоточило сердце... Мучительные сомнения терзали душу – за кем идти теперь? За отцом? Но он заодно с фашистами, которые повинны в смерти матери! За матерью? Но она уже там! Там теперь и Амрита, рядом со своим отцом Али. А он, Вальтер, словно замер на берегу подземной реки Ахеронт... между тем и этим миром... Обещал Амрите, что пойдет за ней и в темное царство Аида, не устрашится. И он пойдет... Надо сделать только один шаг, и они вновь будут вместе. И ничто их уже не разлучит. Какая странная, будто черное стекло, вода этой реки во владениях подземного царя... От того берега отплывает уже черная лодка с безмолвным перевозчиком Хароном. О Господи, у перевозчика такое знакомое лицо! Ну да! Ведь это он, Вилли! Их бывший дворник Вилли Тюрмахер! И он узнал Вальтера, на желтом лице скользнула чуть приметная и жутко-загадочная улыбка, шевельнулись губы, что-то произнесли, правда, Вальтер слов этих не разобрал. Но трудно ли догадаться?! – Этот новый Харон звал его в свою страшную посудину, чтобы увезти навсегда...

От громкого стука двери Вальтер вздрогнул и очнулся от кошмарного полусна. Через порожек, заваливаясь боком из-за качки, шагнул сияющий Карл и радостным голосом объявил:

– Показались Оклендские острова! Идем быстрее на палубу. Слышишь? Мы уже у самой цели, куда привел нас отец!

Вскинув на брата глаза, Вальтер прежде чем ответить, скорее машинально, нежели сознательно, вытер вспотевшие виски, несвязно, находясь еще в плену недавнего видения, проговорил прерывисто:

– Да-да, у цели. Мы уже у цели... Что? У цели? А в чем она, эта цель? Ради призрачного счастья и богатства уже погибла... погибли Али, Набель, погибли все, кто увязался за вами на яхте «Виктория». Вами были обречены на мучительную смерть несчастные китобои... Кто еще в этом черном списке, брат? Скажи мне, кто будет следующим? Бог не простит всех этих преступлений, не простит, вот увидите... если он и в самом деле есть на небе и всевидящий... Не простит, попомни, брат, мои слова!

Карл даже растерялся, словно не родной брат, а папа римский предрекал ему кары небесные.

– Но почему ты во всем винишь нас с отцом? Али, Набель, «Виктория» – это звенья цепи роковых обстоятельств...

Вальтер нетерпеливым жестом прервал брата и почти выкрикнул, бледнея от негодования:

– А кто ковал эту роковую цепь? Неужто олимпийский бог-кузнец Гефест? Не-ет, братец, ее ковал отец со своим подручным-фашистом Цандером, а потом к ним и Кугель присоединился!

Карл счел за лучшее сделать вид, будто не соображает, о чем это говорит младший брат, напирал на своем:

– А китобоям мы дали хлеб и воду. С этими запасами они спокойно дойдут до земли.

– «Дали хлеб и воду!» – проговорил с сарказмом Вальтер и с насмешкой глянул Карлу в глаза. – И оставили девять невинных душ умирать страшной смертью от жажды и голода... Вы не спасли их, вы продлили мучительную агонию. И тем более мучительную, что раньше они хотя бы не видели нас, не питали иллюзий, а теперь, после того как яхта ушла... И вот бы снова у цели? Что вы задумали? – Вальтер резко поднялся с дивана. Его глаза казались раскаленными от нестерпимого внутреннего огня.

Карл не на шутку встревожился, даже отступил от брата. «Если он таким выйдет на палубу – быть беде! Взбаламутит весь экипаж, моряки могут взбунтоваться и повернуть назад, от сокровищ, которые уже рядом!» – Поспешил успокоить Вальтера как можно миролюбивыми словами:

– Ничего мы не задумали! С чего это ты взял, что мы что-то могли задумать? Поясни, ради бога, о чем твои слова? Право, обидно такие оскорбления выслушивать даже от родного брата!

Раскачиваясь вместе с палубой, братья словно стояли на разных чашах весов судьбы – кто кого перетянет?!

– Отец знает, где лежат сокровища, хочет их поднять и тем спасти нашу семью от полного разорения. Он хочет лишь одного – обеспечить наше с тобой благополучие...

Вальтер в большом сомнении покачал головой, посмотрел на маленькую икону Божией Матери с Младенцем на руках, обрамленную серебряным окладом, как-то неохотно, по привычке скорее, перекрестился – в минуту вечного расставания мать благословила его этой иконой на долгую и счастливую жизнь. «А получилось, мама, вот как!»

– Не надо мне благополучия на человеческой крови. Карл, я всегда восхищался тобой как старшим братом... Но и на тебе в последние годы все чаще просматривается коричневая униформа. Остановись, брат! Умоляю тебя во имя памяти нашей мамы – не забывай, по чьей вине она покинула нас совсем еще детьми. Если бы ты знал, как она проклинала Гитлера и фашистов там, в затопленном берлинском метро! Мне казалось, что после таких проклятий фашизм уже больше никогда не воскреснет. А он жив! И жив в нашей же семье! Можно ли такое снести?!

Высказавшись, Вальтер опустил на диван, упер локти в колени и сдвинул голову руками до боли в черепе, чтобы притушить в себе очередной нервный приступ.

Находясь в изрядном смятении от правдивых слов брата, Карл поспешил налить в стакан минеральной воды, протянул Вальтеру:

– Выпей. И успокойся ради всего святого! Разве можно изводить себя так? Маме не поможешь и на белый свет ее не воротишь, говорю тебе в который раз. И китобои никуда не денутся, барометр надолго установился на «ясной» погоде. А за экипаж яхты не переживай. Добыв сокровища, отец наградит каждого по-царски, вот увидишь!

– Да-а? Ты говоришь, по-царски? – Вальтер расцепил пальцы, медленно поднял голову и глянул в глаза брата. Но Карл уже совладал с собой и спокойно выдержал этот испытующий взгляд.

«Я ни словом не заикнулся о нашем экипаже, – пронеслось в сознании Вальтера. – Ни словом... Значит, уже обсуждали эту тему! Был разговор, что делать с командой, какие награды им выдать! Не верю, чтобы отец и Кугель расстались хотя бы с частью этих сокровищ, за которыми, словно за призраком, погнались во тьму океана!»

Поняв, что убеждать и спорить со старшим братом уже бесполезно, Вальтер отчужденно и молча обошел Карла, поднялся по трапу. Широко ставя ноги, прошел на бак, где сидели отец, Фридрих и баронесса Марта. Все трое по очереди рассматривали в бинокль все возрастающие по размерам скалы – в лучах послеполюденного солнца они казались сине-розовыми.

– Майкл, прикажи убрать гафельный парус! – обернувшись к ходовой рубке, радостно и громко скомандовал Отто Дункель. Его глаза излучали такой свет надежды, как будто все трудности преодолены, сокровища лежат в трюме, а на горизонте родные берега Юго-Западной Африки.

– Есть, господин сенатор! – живо ответил боцман и засвистел в сверкающую серебром дудку. Моряки быстро отвязали шкоты, смотали туго парус, закрепили гафель вдоль оси яхты над рубкой.

– Нам нет резона теперь спешить. В темноте можем проскочить мимо нужного места, – пояснил Отто баронессе свои действия. – Ночью пойдем потихоньку под генуей, а с рассветом начнем поиск острова по знакомым приметам.

– А как мы найдем нужный нам островок? – поинтересовался Карл, остановившись рядом с молчаливым Вальтером. О тех резких разговорах, которые дважды уже произошли в каюте, он решил отцу не говорить, чтобы тот не вспылil, в гневе не сказал младшему сыну что-нибудь резкое и не выбил его вовсе из колеи.

«Увидит сокровища – и рассуждать будет совсем по-другому», – решил Карл, так и не сумев проникнуть в глубину переживаний брата.

– Найдем! – уверенно ответил Отто Дункель и подмигнул стоящему неподалеку боцману. – Я это место с закрытыми глазами вижу! К тому же дед Генрих видел там верную приметку!

– Какую же? – снова поинтересовался Карл, не подумав, что вопрос этот, когда их слышит вся команда, просто наивен.

– Там на вершине скалы девяносто лет назад сидела старая ворона... – самым серьезным тоном ответил Отто, и полез в карман достать зажигалку.

Баронесса, Кугель, а за ними все моряки не сдержались и расхохотались. Еще бы! Более верной приметы для поиска сокровищ придумать невозможно! Даже Вальтер улыбнулся шутке отца, поднял глаза на западный небосклон – солнце садилось на чистый горизонт, давая надежду, что грядущий день будет безоблачным и спокойным.

«Кому как», – пронеслось непроизвольно в голове Вальтера, но он тут же отогнал от себя навязчивую мысль о том, что вечер этот может быть для него последним...

3

Кlaus заступил на руль после полуночи. Вместе с ним в рубке дежурил Фридрих Кугель, а у шкотовых лебедек на вахту встали чем-то озабоченный Степан Чагрин и редкобородый услужливый Чжоу Чан.

– Если увидишь остров, словно бы разорванный вулканом надвое, буди меня, – напомнил штурману Отто.

– Хорошо, мой фрегаттен-капитан, будем глядеть в четыре глаза. Мимо не проскочим, слава Всевышнему – небо чистое и луна подстать гамбургской купчихе, телом не отошала, – пошутил Кугель, усаживаясь на высокое вращающееся кресло рядом с нактоузом. – Klaus, не забыл брать поправку на дрейф от ветра и течения?

– Не забыл, господин Кугель, не забыл... Если забуду – рифы напомнят, постучат в днище.

– Тогда поздно будет корректировать курс, нахлебаемся соленого компота! – приняв шутку, ответил Отто. – Ну, я пошел к себе, вздремну немного. Завтрашний день обещает быть для всех нас примечательным... Даже не верится, что я наконец-то пришел сюда и что клад моего деда Генриха совсем рядом.

– Рядом-то рядом, – с сомнением проговорил будто про себя рулевой Klaus, – да как посмотришь на этот океан, на скалы – жуть берет за душу и бежать хочется подальше.

– Зато нам не придется воевать с храбрыми племенами инков, как это выпало на долю испанцев, которые добывали золото у американских индейцев. На Окландах, кроме чаек, нет никакой живности. Тем более разных там дикарей-каннибалов.

– И за то спасибо матушке-природе! – снова пошутил Klaus. – Иначе пришлось бы нам побегать по здешним камням, спасая свои откормленные тела!

Фридрих засмеялся, ответил на меткое замечание рулевого в свой адрес:

– А я сразу же сдамся на съедение – все равно поймают! Иначе будут грызть мои косточки и злиться, что, бегая от них, потерял столько бесценного жира. Интересно было бы посмотреть на себя в такой пикантной ситуации!

– Иди к черту, Фридрих! – отшутился Отто. – Накаркаешь на свою голову, а эти самые каннибалы возьмут да и приплывут откуда-нибудь на Окланды! Может, они таким образом решат спастись от натиска цивилизации и здешние необитаемые скалы – лучшее место укрываться! Так что, друзья мои, поглядывайте и за морем, не видно ли где индейских пирог, а я пошел спать...

Было уже около двух часов ночи. Яхта шла со скоростью не менее четырех узлов, кренясь надоедливой боковой качкой, отчего клотик мачты раскачивался как перевернутый маятник огромных часов. Бережно прикрыв за собой дверь, на палубу вышел Вальтер, остановился рядом с рубкой, достал сигару, постучал ею о коробку.

– Klaus, дай, пожалуйста, зажигалку. Моя где-то на столе. Боялся шарить в темноте, чтобы не разбудить Карла. – Он принял от рулевого теплую зажигалку, крутнул колесико, прикурив.

– Не спится? – участливо осведомился Фридрих и с улыбкой проворчал, как это обычно делают старики на молодых, больше из зависти, чем из желания поучать подрастающее поколение. – Эх, мне бы ваши годы! В свои не отоспался вволю – то война, то беготня по белому свету... Гоняла нас горькая судьба, как чистоплотная хозяйка паука веником, не скоро отыскали укромное местечко свить паутину и детишками обзавестись.

Klaus прыснул от смеха, представив, какой по величине нужно иметь веник, чтобы гонять по огромней земле такого кругленького «паучка», как этот господин Кугель! Вальтер догадался, о чем подумал Klaus, тоже не сдержал улыбки, неожиданно предложил:

– Фридрих, а ты иди в каюту и спи себе спокойненько. Мы с Клаусом стоим вахту. Через два-три часа наступит рассвет, отец наверняка захочет сам встать в рубке. Иди, право слово. Днем наверняка не удастся отдохнуть... у этих роковых скал, как называют их мельбурнские и новозеландские моряки.

– Ну что же, я не против! – обрадовался Фридрих и не заставил себя долго уговаривать. – Мне и в самом деле под утро так хочется прикрыть глаза хоть на часок-второй. Клаус, ты хорошо запомнил, что говорил господин сенатор? Смотреть за островом, который похож на развороченный вулкан.

– Помню, господин Кугель, – отозвался из рубки Клаус, попыхивая дешевой сигаретой. – Как не помнить! Мы с господином Вальтером вместе будем смотреть. Однако, судя по ближним низким рифам на левом траверзе и во-он той одинокой скалы впереди милях в трех отсюда, мы еще не подошли к нужному островку.

Кугель неторопливо выкурил сигару, с наслаждением потянулся, заиграв сухожилиями громко, словно ненастроенный рояль, посмеялся:

– Мой отец был настоящий виртуоз хрустеть суставами. Мог на спор против кружки пива переиграть любого, так что у слушателей появлялось желание ощупать его, не все ли косточки переломал он... Ну, голубочки мои сизокрылые, несите службу исправно, – и ушел в развалку, мастерски улавливая ритм колебания палубы.

Вальтер почему-то тихо, словно опасаясь растревожить чуткий сон прекрасных морских дев-нереид, положил руку на штурвал и попросил рулевого:

– Сядь в кресло, Клаус, отдохни. Ноги, наверно, гудят от усталости. А я немного постою, попробую отвлечься от мыслей, которые кучей лезут в голову.

– На румбе сто восемьдесят два градуса. Два градуса – поправка на дрейф, – по привычке сказал Клаус, сдавая вахту.

– Есть на румбе сто восемьдесят два градуса, – усмехнулся Вальтер, сдвинул на затылок легкую шляпу и глянул на компас, освещенный маленькими лампочками подсветки от аккумулятора. – Ну, держись бог морей и океанов! Морские волки пришли в твои владения, будь милостив к ним и... терпелив, что бы они ни натворили здесь!

– Вальтер, у вас есть дети? – полюбопытствовал Клаус, чтобы не молчать и скоротать время вахты, потом принял от Вальтера сигару, приподнял порченную правую бровь, с причмокиванием затянулся ароматным дымом. – Ну и таба-ак! Не то что в моих сигаретах. Местные дельцы, похоже, научились к табаку примешивать дешевую морскую капусту, которой в наших краях предостаточно.

– Что? Дети?... У меня никого нет, дружище Клаус, ни мамы, ни жены... Тем более детишек. Люблю возиться с детьми Карла, они такие потешные, особенно когда учатся говорить. А своих уже никогда не будет, – добавил Вальтер тихим и обреченным тоном.

Клаус сначала не обратил особого внимания на последнюю фразу молодого Дункеля – свои думы одолевали день и ночь. Даже черепная коробка трещит от этих постоянных переживаний: на руках больные родители, жена с двумя ребятишками. Те незначительные сбережения, которые удалось скопить, выступая на ринге, таяли с быстротой весенних сосулек, зажатых в горячих пальчиках ребенка... Как жить дальше? Возвращаться на ринг – явное самоубийство, он уже не в юношеском возрасте, силы и реакция далеко не те, что были лет пять-шесть тому назад. Достаточно пару раз побивать в нокауте – на третьем могут и вовсе положить до смерти... Теперь вроде появилась зыбкая и ненадежная, как само море, надежда подработать немного денег от богатых туристов с тем, чтобы через пару лет открыть частную боксерскую школу, устраивать платные тренировки для богатых молодых людей. А из крепкого простого парня можно и чемпиона мира подготовить, как из того легендарного мексиканца, про которого он смотрел старый фильм...

– А у меня дома полный камбуз едоков, – прервав свои раздумья, пошутил Клаус. Он уселся на высоком крутящемся кресле, ссутулил плечи. – Родители надорвались в работе на чужой ферме, жена подрабатывает стиркой белья в соседней больнице. И я не плохо дрался на ринге, пока заезжий кубинец не сломал мне нос... Месяц провалялся в больничной койке, почти треть моих сбережений улетучилось, второй год на этой яхте будоражу морскую поверхность. Жаль только, герр Кельтман не щедр на плату, далеко не щедр, не как турецкий султан. Иногда, грех сказать против истины, иногда туристы подают чаевые, покидая нашу «Изабеллу». Особенно если погода выдавалась благополучной и богатые гуляки оставались довольны злчными местами Океании. А здесь полно местечек с завлекательными смуглянками... – Клаус неожиданно запнулся на последнем слове, повернулся к Вальтеру, что-то вспомнив. – А почему вы сказали, герр Дункель, что у вас не будет детишек? Неужто какая болезнь завелась? Жа-аль, если так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.